

ПЕРЕГОВОРЩИК С ЧУДОВИЩАМИ

ВЛАД ВЕЛИРСКИЙ

Влад Велирский

Переговорщик с чудовищами

«Автор»

2026

Велирский В.

Переговорщик с чудовищами / В. Велирский — «Автор», 2026

В Межеречье чудовищем называют того, чей голос неудобен власти. Лада Ведрина умеет заключать договоры с каменными хранителями, живыми лесами и существами из золы — но не умеет отменить собственную старую ошибку. Когда княжеский уполномоченный Орест Край создаёт Единый перечень опасных существ, местные соглашения начинают рушиться одно за другим. За каждым нарушением обнаруживается человеческое вмешательство, а попытка подчинить все рубежи единому приказу превращает защиту в доказательство вины. Чтобы остановить войну, Ладе придётся раскрыть свою подпись под договором, погубившим родной город и сестру, и доказать: мир держится не на доверии и не на одинаковых правилах для всех, а на проверяемых границах власти, цене ошибок и праве выйти из соглашения. Но что останется от профессии переговорщика, если сам свидетель не бывает нейтрален?

© Велирский В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Мост, который требует имя	6
Цена одного прохода	12
Глава 3. Свидетель без лица	19
Глава 4. Дом из камышовых костей	24
Глава 5. Нейтральный нож	33
Глава 6. Первый перечень	40
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Влад Велирский

Переговорщик с чудовищами

От автора

Слово «чудовище» удобно тем, что после него будто бы не требуется второй вопрос. Оно сразу сообщает, кого бояться, от кого защищаться и чью речь можно не считать речью. В сказке такая ясность помогает быстро выйти к испытанию. В жизни — и в мире этой книги — она слишком часто помогает не замечать поступков того, кто назвал первым.

«Переговорщик с чудовищами» — не история о том, что всякую опасность можно устранить добрым словом. Некоторые существа здесь способны причинить страшный вред. Некоторые люди тоже. Переговоры не отменяют границ, защиты и последствий. Они нужны затем, чтобы сила не подменяла собой описание случившегося, а мир не означал молчание более слабой стороны.

Главная героиня работает с обещаниями, которые оставляют в мире буквальный след. Это делает договоры зримыми, но не делает их справедливыми. Точная запись способна сохранить чужую ложь, согласие может быть получено у того, кому не оставили выхода, а нейтральный посредник иногда поддерживает насилие уже тем, какие голоса допускает к столу. Поэтому важнее красивой клятвы здесь оказываются скучные вопросы: кто говорит, что именно обещано, где заканчивается обязанность, кто проверяет результат и как выйти из соглашения, если оно стало разрушительным.

Эту книгу лучше читать не как собрание ответов, а как дорогу через несовместимые требования. На ней будут ошибочные уступки, нарушенные условия, опасные существа и люди, уверенные, что защищают остальных единственно возможным способом. Окончательное различие между человеком и чудовищем роман оставляет не облику и не происхождению.

Его приходится заново искать в каждом поступке.

Глава 1. Мост, который требует имя

К Сольному Броду Лада Ведрина подошла в тот час, когда люди уже перестали спорить, кто виноват, и начали делить факелы.

Высохшее морское русло лежало между белёсыми откосами, как широкая рана. Дорога спускалась к нему с севера, пересекала три каменных пролёта и снова карабкалась вверх, к тесным крышам Брода. На ближнем берегу сбились телеги: мешки под рогожей, бочки в верёвочных сетках, клетки с курами. Две лошади лежали в оглоблях, тяжело вода боками. За мостом, у городских ворот, теснились люди с фонарями.

Между ними стоял тот, ради кого Ладу вызвали.

Издали он казался обвалившейся опорой. Потом каменная груда шевельнулась, распрямилась на четырёх коротких ногах, и стало видно длинное тулово, составленное из плит разного цвета. В щелях между ними темнел влажный песок. На месте головы выступал клин из серого известняка. Ни глаз, ни рта Лада не увидела.

Перед существом городской отряд выставил щиты. За щитами трое мужчин возились с метательной рамой. В ложе уже лежал железный болт, обмотанный промасленной паклей.

— Стойте! — крикнула Лада.

Ветер унёс половину слова в русло. Она сбросила дорожную сумку Гордею и побежала вниз.

— Лада, слева! — предупредил он.

Под подошвой хрустнула соль. С откоса сорвался плоский камень, пролетел мимо её колена и разбился о колесо крайней телеги. Люди шарахнулись. Каменный житель не двигался. Двигался мост: по кладке одна за другой пробежали судороги, будто кто-то глубоко в опорах сжимал кулак.

У метательной рамы командовал широкоплечий человек в красном нагруднике. Он обернулся на голос, увидел медный знак Палаты у Лады на плаще и вскинул ладонь. Расчёт замер, но фитиль один из стрелков не погасил.

— Договорница? — спросил широкоплечий.

— Лада Ведрина. Кто здесь отдаёт приказ?

— Я. Начальник заставы Демьян Ложек. Вы опоздали на два обвала и одну смерть.

— Кто погиб?

— Мостовой мастер. Подошёл проверить опору. Эта тварь поднялась из кладки и сбросила его вниз.

Лада посмотрела через край. Русло под центральным пролётом было усеяно соляной щебёнкой. Тела не видно.

— Вы видели, как она его сбросила?

— Видел, как он полетел.

— Это не одно и то же.

Демьян дёрнул щекой.

— Ещё там обоз с лекарствами. За мостом лихорадка. Пока вы будете выбирать слова, у меня умрут живые люди.

— Поэтому фитиль погасите сейчас.

— Уберите знак, госпожа Ведрина. Здесь не палата и не учебный двор.

— А мост — не мишень. Если болт войдёт в кладку, вы не знаете, что обрушится: существо, пролёт или весь Брод.

Демьян посмотрел на каменного жителя. Тот лежал поперёк дороги, перекрыв туловищем центральный пролёт. За ним на камнях белели свежие борозды. В одной поблёскивала оборванная медная проволока.

- Мы пробовали говорить, — сказал начальник заставы. — Оно не отвечает.
- Что вы у него спросили?
- Приказали уйти.
- Это не вопрос.

С дальнего берега кто-то крикнул, чтобы стреляли. Толпа подхватила. Железные ободы телег звякали от дрожи моста, и этот неровный звон делал крики похожими на походную песню.

Гордей спустился следом, неся обе сумки и круглый щит за спиной. Он встал так, что между Ладой и зажжённым фитилём оказалось его плечо.

- Расчёт вас послушает? — тихо спросила Лада.
- До первого приказа начальника.
- Тогда мне нужен этот первый приказ.

Она расстегнула плащ и вынула из внутреннего кармана узкую договорную ленту. На светлой коже были прошиты семь пустых рамок: голос, предмет, вред, цена, срок, проверка, выход. На концах висели две свинцовые пломбы без оттисков.

Демьян заметил ленту.

- Договариваться с кучей камня будете?
- Пока не знаю. Но вы уже считаете её способной требовать, угрожать и выбирать место. Для штурма вам разумности хватает. Странно отнимать её только перед разговором.
- Она убила человека.
- Если убила, это будет предметом ответа. Но сначала мы установим, кто здесь действует.

Мост снова содрогнулся. На этот раз одна из телег покатила назад. Гордей поймал лошадь под уздцы, возчик навалился на колесо. Из-под центрального пролёта пришёл низкий гул. Его нельзя было услышать ушами — Лада почувствовала его зубами.

На договорной ленте дрогнула крайняя пломба.

Отзвук.

Не новый: слишком слабый и рваный. Остаток старого обещания, разбуженный повреждением.

Лада опустилась на корточки у первой плиты моста. В шве лежал зелёный порошок меди. Когда-то здесь тянулась меточная нить. Её выдрали из камня, не перерезали: по краям канавки остались загнутые скобы.

- Кто снял договорные метки? — спросила она.

Демьян не ответил сразу.

- Какие ещё метки?

Лада провела пальцем по канавке и показала зелёную пыль.

- Медная нить шла вдоль перил и входила в опоры. На ней держалась запись сторон. Здесь её вынули недавно.

- Перила чинили после зимы. Старый хлам снимали.

- Кто приказал?

- Управа. Или мостовой мастер. Какая разница?

Каменный житель поднял переднюю часть тела.

Щиты сомкнулись. Стрелок наклонил факел к пакле.

- Не зажигать! — рявкнул Демьян прежде, чем Лада успела повернуться.

На несколько ударов сердца стало тихо. Существо развернуло известняковый клин к ближайшему перилу и ударило один раз. Камень треснул. Изнутри посыпались короткие обрывки медной нити.

Потом житель снова лёг поперёк дороги.

- Это ответ, — сказала Лада.

- Это оно ломает мост, — возразил Демьян, но уже тише.

— Оно показывает снятую запись.

— Вы это откуда знаете?

— Не знаю. Проверяю предположение.

Она обернулась к своим спутникам. Тая стояла у первой телеги, придерживая на ветру тёмный платок. Её взгляд перескакивал с обрывков проволоки на каменного жителя. Сева, тощий и сутулый после дороги, уже вытащил из лекарского короба две стеклянные чашки.

— Вода есть? — спросила Лада.

— У возчиков, — ответил он. — Но если ты хочешь напоить камень, предупреждаю: мой диплом такого не обещал.

— Мне нужно услышать старую запись.

— Тогда тем более вода. Металл помнит лучше в сырости.

Демьян нахмурился.

— Вы привезли целую ярмарку?

— Переводчицу, проверяющего и охранника. Свидетеля здесь нет?

— Был при управе. Уехал осенью.

— А новый?

— Новый стоит денег.

С дальнего берега снова закричали. На этот раз различалось: «Мирена!» Потом: «Скажи им про Мирену!»

Из толпы у ворот протиснулась женщина в коротком тулупе. Она побежала по мосту, пока двое стражников не схватили её у крайнего пролёта.

— В телеге жаропонижающее! — крикнула она. — Моя дочь там сторит, пока вы смотрите на камни!

Лада встала. Женщина рвалась из рук, и каждый её рывок отзывался в толпе. Вот чего не было видно из канавки в плите: цена времени. Она уже принадлежала не мосту.

— Как вас зовут? — спросила Лада.

— Рада. Пустите меня к обозу.

— Рада, лекарства доvezут. Но если сейчас обрушить мост, они не доедут ни сегодня, ни завтра.

— Вы обещаете?

Старая пломба на ленте у Лады ударилась о пряжку.

Слово было простое. Опасными чаще всего и бывали простые слова, сказанные перед множеством людей.

— Нет, — ответила Лада. — Я не могу обещать результат, пока не знаю условий прохода. Я обещаю другое: лекарства будут первым предметом переговоров, а до решения никто не повредит мост и того, кто его перекрыл.

— «Того»? — переспросил Демьян.

Лада подняла договорную ленту так, чтобы видели оба берега.

— Я, Лада Ведрина, договорница Палаты рубежей, признаю находящегося на мосту каменного жителя стороной выяснения. Не невиновным. Не безопасным. Стороной, чьи требования должны быть установлены до применения силы. Людей Сольного Брода признаю второй стороной, имеющей право на защиту, проход и ответ за смерть мостового мастера.

Последние слова ушли под пролёт.

Гул прекратился.

Это не было согласием. Лада слишком хорошо знала, как легко принять отсутствие удара за согласие. Но мост перестал дрожать, а известняковый клин повернулся к ней.

Тая приблизилась на два шага.

— Он услышал слово «сторона», — сказала она.

— Или имя Палаты.

— Нет. На Палате песок между плитами осыпался. На «стороне» втянулся внутрь. Лада тоже заметила движение, но была рада, что первой назвала его не она.

— Повтори отдельно.

Тая произнесла слово на общем наречии, потом на старом прибрежном, растягивая гласные. Каменный житель не шевельнулся.

— Значит, не слово, — сказал Демьян.

— Или не наш способ повторения, — возразила Тая.

Сева принёс ковш воды. Он вылил немного в канавку, где прежде лежала медная нить. Вода потемнела, побежала по шву к центральной опоре. Из глубины пришёл шорох — такой тихий, что люди на берегу его не слышали.

Лада услышала.

«...Брода...»

Потом треск.

«...проход...»

И чужой, неясный рокот под человеческими словами.

Лада прижала два пальца к мокрому камню. Отзвук повторился. Человеческая речь проступала ясно, как буквы на печати; второй голос был задавлен, превращён в фон.

Она убрала руку.

Перед глазами на мгновение встал другой берег, ночной, в дождевых иглах. Ия, ещё живая, кричала ей что-то из-за линии Свидетеля. В старой записи её голоса тоже не было. Были только слова тех, кого Лада тогда признала сторонами.

Она сжала пальцы, пока ногти не врезались в ладонь.

Не сейчас.

— Что там? — спросил Гордей.

— Неполная запись.

— Можно восстановить?

— Человеческую часть — возможно. Другую записали так, будто это шум.

Тая присела у мокрой канавки, но не коснулась её.

— Или переписали с чужих слов.

— При взаимно признанном Свидетеле так не должно быть, — сказал Сева.

— Не должно, — согласилась Лада.

Каменный житель ударил ногой по плите. Один раз. После паузы — два. Потом ещё один.

Сева машинально постучал костяшками по ковшу в том же порядке.

Существо ответило: один, два, один.

По мосту прошёл ропот.

— Не продолжай, — сказала Лада.

— Почему? Он же отвечает.

— Мы не знаем, что ты повторил. Число, имя, угрозу, боль. Нельзя подтверждать неизвестное.

Сева опустил ковш.

Лада обратилась к Демьяну:

— Мне нужен приказ о прекращении штурма до заката. Щиты останутся. Людей отведёте за первый межевой столб. Никто не подходит к опорам, не трогает медь и не льёт на кладку ничего, кроме воды по моей просьбе.

— А оно?

— Остаётся на мосту и не приближается к берегам. Если приблизится, вы предупреждаете и отступаете к раме. Если нападёт — защищаетесь.

— Вы уже за него решили условие.

— Нет. Я называю границу, без которой вы не согласитесь ждать. Теперь её надо предложить, а не объявить договором.

Она встала на расстоянии трёх шагов от каменного жителя и положила ленту на плиту. Показала сначала на него, потом провела ладонью поперёк моста, обозначая берега. Подняла обе пустые руки. После этого коснулась межевого столба, солнца над руслом и снова пустых ладоней.

Каменный житель не двигался.

Лада повторила медленнее. Тая рядом выкладывала обрывки медной нити: один у ближнего края ленты, второй у дальнего. Сева отмерил водой круг вокруг существа, не замыкая его со стороны русла — чтобы рисунок не означал ловушку без выхода.

Наконец житель приподнялся. Под его туловищем обнаружилась выбитая в мосту впадина. В ней лежала медная пластина, расколотая пополам.

Существо подвинуло одну половину к Ладе и осталось на месте.

— Согласилось? — шепнул Демьян.

— Приняло предъявление условия. Возможно.

— У вас на всё «возможно».

— До проверки — да.

Лада подняла пластину. На ней сохранились четыре строки старого договора. Первые две можно было прочесть: жители Сольного Брода обещали сохранять проход и не разбирать камень центральной опоры. Третья строка была стёрта вместе с краем пластины. В четвёртой стояли отпечатки трёх человеческих печатей.

Места для знака второй стороны не было.

На обороте кто-то позднее выцарапал короткую черту, похожую на раскрытую трещину. Она начиналась у имени города и уходила за обломанный край.

— Вот ваше выяснение, — сказал Демьян. — Брод обещал не ломать мост. Брод и не ломал.

— Перила разбирала управа Брода. Метки сняли люди Брода. А запись на пластине не показывает, что обещала другая сторона.

— Может, ничего. Может, её и не было.

Каменный житель резко ударил в мост. С ближайшей башенки посыпалась известка.

Расчёт метательной рамы взялся за рычаги.

— Всем стоять! — крикнула Лада. — Он услышал отрицание своего голоса.

— Вы опять гадаете, — сказал Демьян.

— Тогда проверим. Тая, повтори его знак.

Переводчица взяла мел и нарисовала на свободной плите трещину с расходящимися краями. Каменный житель замер. Тая указала на знак, затем на пластину, затем на существо.

Песок в его швах медленно высыпался наружу. Под верхней плитой показалась полоска тусклой меди — не украшение и не жила, а вросшая метка, продолжение той, которую вырвали из моста.

— Вторая половина записи находится на нём, — сказала Тая.

Сева покачал головой.

— Или он и есть вторая половина.

Демьян долго смотрел на медную полоску. Потом подошёл к расчёту, вынул факел из руки стрелка и затоптал его в соли.

— До заката, — объявил он. — Никто не стреляет без моего приказа. За межевой столб всем, кроме договорницы и её людей.

Толпа на дальнем берегу загудела. Рада снова крикнула про дочь.

Лада подняла половину пластины.

— Лекарства — первый предмет. Я не забыла.

— До заката она может не дожить!

— Сева, сколько в обозе лекарства и как его можно перенести?

— Два сундука, если речь о коричневых склянках. Четверо понесут. Но здесь ещё соль для растворов и спирт.

При слове «соль» каменный житель втянул ноги под туловище. По медной полоске прошла белая изморозь.

Лада заметила это. Заметил и Сева.

— Не всё лекарство для него одно и то же, — сказал лекарь.

— Значит, разделим груз и назовём каждый предмет отдельно.

Демьян тяжело выдохнул.

— Купцы вас съедят.

— Пусть сначала назовут, что везут. Это полезно и без чудовищ.

Стражники начали теснить людей к столбам. Щиты не опустили, но копья перестали целиться в щели каменного тела. Гордей обошёл раму и незаметно вынул из её спусковой скобы чеку. Он показал её Ладе, зажав между пальцами.

— Верну, когда приказ станет привычкой, — сказал он.

— Демьян заметит.

— На то и расчёт.

Тая уже изучала знак на пластине. Сева капал воду на медную полоску, каждый раз спрашивая взглядом разрешения у Лады и ожидая реакции существа.

Лада осталась посреди моста, между двумя берегами, которым была нужна немедленная уверенность. В руке лежало доказательство, не отвечавшее ни на один вопрос полностью. Человеческое обещание сохранилось. Нечеловеческое превратили в шум. Мостовой мастер исчез в русле. Лекарства ждали прохода. И где-то в старом Отзвуке, под ясными чужими словами, рокотал голос, которому не оставили места для подписи.

Она перевернула пластину. Трещина на обороте была неровной, с маленьким боковым ответвлением.

Точно такой знак Ия рисовала на полях писем, когда хотела напомнить о себе, не называя имени.

Лада провела ногтем по царапине. Свежая соль осталась на пальце.

Знак был старым.

Соль — нет.

Цена одного прохода

Первым к Ладе пришёл не лекарь и не мать Мирены, а купец в лисьей шапке.

Он миновал межевой столб, словно объявленное перемирие касалось людей победнее, и остановился в двух шагах от разложенной на плите договорной ленты. За ним тянулись трое приказчиков. Один держал счётную дощечку, второй — короткое копье, третий — мешок с печатями.

— Савва Лют, старший обоза, — представился купец. — Восемнадцать телег стоят с расвета. Кони съели половину овса. Через два часа мы не успеем к северной переправе. Открывайте мост.

— На каком основании?

Савва моргнул.

— На том, что он мост.

Каменный житель лежал поперёк центрального пролёта, втянув ноги в щели между плитами. После перемирия он не сдвинулся ни на ладонь. Белая изморозь на медной полоске в его боку исчезла, однако возле телег с солью камень всё ещё потрескивал, будто остывал после жара.

— Сегодня это спорное основание, — сказала Лада. — Что везёте?

— Товар.

— Тогда товар и останется.

Приказчик со счётной дощечкой усмехнулся, но Савва не поддержал его.

— Железо, ткань, соль, ламповое масло. Два лекарственных сундука по просьбе городской лечебницы. Всё оплачено. За задержку заплатит управа.

— Мирена не управа.

С дальнего берега донёсся женский крик. Раду удерживали у ворот двое соседей; стражники уже отошли за межу, и теперь никто не мешал ей снова выбежать на мост. Она не выбегала. Видимо, услышала, как Лада отказалась обещать то, чего ещё не могла выполнить.

Савва проследил за её взглядом.

— Вот именно. Девочке нужно лекарство. Вы задерживаете лекарство ради камня.

— Вы прикрываете девочкой семнадцать телег груза.

— А если прикрываю? Проход либо есть, либо нет.

— Нет. Проход бывает для определённого предмета, в определённый срок и при определённом риске. Вы хотите, чтобы я произнесла короткое слово, а расплачивались за его смысл все остальные.

Савва снял шапку и медленно провёл пальцами по меху.

— Я хочу переехать на другой берег.

— Тогда назовите цену одного прохода честно.

— Семьдесят четыре серебряника прямого убытка до заката. После заката — сто двадцать. Если сорвётся северный торг, две сотни сверху. Если кони останутся без воды, ещё восемь за каждую голову.

Он назвал числа без паузы. Лада кивнула приказчику с дощечкой.

— Запишите. Наконец у нас есть требование, которое можно проверять.

— Моё требование и без ваших записей настоящее.

— Настоящее. Но не единственное.

Сева тем временем распорядился снять с первой телеги лекарские сундуки. Возчики выставили их у межевого столба. Один был узким, окованным железом; второй — широким, с выжженным знаком лечебницы. Лекарь вскрыл оба при Савве и Демьяне Ложеке.

— Коричневые склянки здесь, — сказал он. — Настой и порошок. Для Мирены нужен настой, если у неё та горячка, о которой кричит мать. Порошок — от судорог. Здесь ещё перевязь, иглы, спирт, сушёная кора, соль для раствора.

При последнем слове каменный житель приподнял верхнюю плиту. Из щелей посыпалась мелкая крошка.

Гордей шагнул между ним и сундуками. Меча он не вынул, только перенёс вес на носки.

— Соль отдельно, — сказала Лада.

Сева достал из сундука два туго зашитых полотняных пакета и положил их в медный таз. Житель опустил ногу, но одна его нога осталась над плитой.

Тая наблюдала за песком в швах.

— Он реагирует не на слово, — сказала она. — Когда Сева назвал соль у закрытого сундука, движение началось раньше, чем он договорил.

— Запах? — спросил Гордей.

— У камня нет носа, который ты согласился бы признать носом.

— Зато у соли есть вода, которую она забирает, — заметил Сева. — Может, дело не в названии, а в сухости.

Лада поставила на плиту четыре предмета: закрытую склянку настоя, свёрток перевязи, флягу спирта и пустой деревянный короб. Соль осталась за межевым столбом. Она указала на предметы, затем на дальний берег. Тая положила между ними два обрывка медной нити, обозначив путь. Сева отмерил водой начало и конец пути, не соединяя лужицы.

Каменный житель не шевельнулся.

— Он молчит, — сказал Савва. — Значит, не против.

— Молчание означает только отсутствие понятного ответа.

— До заката вы будете учить меня словам, а ребёнок умрёт.

Лада посмотрела на солнце. Оно уже коснулось верхушек соляных башен. До конца перемирия оставалось меньше трёх часов.

— Тая, предъяви два исхода.

Переводчица переложил медные обрывки. В первом рисунке люди с грузом шли через мост и возвращались без него. Во втором груз оставался у ближнего берега. Для человека такая схема была бы детской. Для существа, которое слышало слова через давление воды и носило половину договора в теле, детским могло оказаться человеческое письмо.

Житель вытянул ногу и коснулся первого рисунка.

Савва победно вскинул подбородок.

— Вот.

Каменная лапа прошла дальше и раздавила пустой короб.

— А вот это что значит? — спросил Демьян.

— Что короб ему не нравится, — сказал приказчик с копьём.

— Или что перенос разрешён только без тары, — ответила Тая. — Или что всё принесённое должно исчезнуть с моста. Или что дерево нельзя оставлять. Мы не знаем.

Савва надел шапку.

— Вы умеете сделать сомнительным даже раздавленный ящик.

— Это полезный навык, когда ящик раздавили возле вашей руки.

Лада подняла обломки. На внутренней стороне одной дощечки блестела соляная пыль.

Сева взял её двумя пальцами, лизнул край и тут же сплюнул.

— Не соль. Известковая горечь и что-то металлическое.

— Короб возили раньше? — спросила Лада.

Савва пожал плечами. Приказчик с дощечкой отвёл глаза.

— Что в нём было?

— Гвозди, — ответил тот.

— Медные?

Молчание приказчика оказалось куда понятнее молчания камня.

Демьян выругался.

— Меточную нить сняли весной. Куда её дели?

— Мы покупаем лом у управы, — сказал Савва. — Законно. Если в коробе была медь, это не значит, что мы выдрали её из моста.

Житель снова ударил по коробу, уже превращённому в щепу. Потом коснулся вросшей в него медной полоски.

Лада почувствовала слабый Отзвук: не слова, а скрежет, в котором повторялись одинаковые провалы. Словно запись пыталась назвать отсутствующие звенья.

— Он связывает короб с меткой, — сказала Тая.

— Предположение, — поправила Лада. — Достаточное, чтобы не нести тару через мост. Недостаточное, чтобы обвинить купцов в краже.

Савва протянул руку к своей печати.

— Я соглашусь на осмотр телег после прохода. Сейчас отдайте лекарства.

— После прохода вы будете на другом берегу и опоздаете к переправе. Ваше согласие ничего не стоит, если исполнение противоречит вашей цели.

— Тогда оставлю залог.

— Какой?

Купец посмотрел на обоз. Выбирать между вещью и временем ему было большее, чем называть серебряники.

— Телегу масла.

— Масло нужно городу. И оно горит. Плохой залог возле метательной рамы.

— Счётную книгу.

Приказчик прижал дощечку к груди. Савва даже не повернулся к нему.

— Не дощечку. Большую книгу из красного сундука.

Улыбка исчезла с лица приказчика.

— Там чужие сделки.

— Поэтому вы за ней вернётесь, — сказала Лада. — Книга остаётся у Демьяна запечатанной до осмотра. Если вернётесь до утреннего колокола и предъявите телеги, печати не вскрывают. Если не вернётесь, Демьян вправе вскрыть только страницы о покупке мостовой меди. Остальные перевязывает Тая как независимый хранитель.

— Почему она? — спросил Савва.

— Потому что управа могла продать вам нить, а вы могли её купить. Демьян представляет одну из возможных сторон нарушения.

Начальник заставы нахмурился, но спорить не стал.

— Это залог осмотра, — продолжила Лада. — Он не покупает проход. С проходом мы ещё не договорились.

Рада всё-таки выбежала из ворот. На этот раз её никто не держал. Она остановилась у дальней межи, не переступая её.

— У Мирены начались судороги! — крикнула она. — Лекарь велел дать порошок до следующего приступа.

Сева побледнел.

— Тогда переносим оба лекарства сейчас.

— Я понесу, — сказал Гордей.

— Ты вооружён.

Он снял перевязь с мечом и положил у ног Демьяна. Затем вынул из сапога нож, из рукава второй, а из-за пояса короткое шило.

Савва хмыкнул:

— Ещё в зубах проверьте.

Гордей раскрыл рот. Шутка умерла сама.

Лада выбрала четверых: Гордея, Севу и двух возчиков, которых назвал Савва, а подтвердил приказчик по книге найма. Каждый получил видимую ношу. Настой и порошок несли отдельно. Перевязь и иглы — отдельно. Спирт оставили. Соль не приближали к межевому столбу. Деревянную тару заменили открытыми корзинами с кожаными ручками.

Оставалось добиться ответа, который можно было проверить.

Лада провела на влажной плите две линии от ближней межи до дальней. На первую поставила четыре камешка и предметы. На вторую — солнце, вырезанное Таей из жёлтой ткани. Потом убрала солнце за край плиты и перечеркнула путь.

— До заката, — сказала она, хотя не рассчитывала на слово. — Четверо. Названные вещи. Без соли, оружия, огня и закрытой тары. Не сходят с линии. На дальнем берегу оставляют груз и возвращаются. Если мост дрожит один раз — останавливаются. Два раза — отходят назад. Если путь не завершён до края солнца, разрешение прекращается.

Демьян присвистнул.

— Вы сейчас полдня условий ему руками показали.

— Поэтому мы проверим каждое отдельно.

Она убрала один камешек. Житель не ответил. Добавила пятый — он ударил один раз. Вернула четыре — тишина.

Тая заменила открытую корзину закрытым сундуком. Один удар. Вернула корзину — тишина.

Гордей поднял меч, не переходя межи. Два удара, такие сильные, что с перил посыпалась известь. Он положил оружие обратно.

Сева приблизил медный таз с солью. Каменная нога взметнулась, ударила в плиту трижды, и по мосту побежала белая трещина.

— Назад! — приказала Лада.

Сева отнёс таз. Трещина остановилась, не дойдя до канавки старой метки.

— Три — соль, — сказал он.

— Три — не повторять этот опыт, — возразила Лада. — Значение установим потом.

Для срока Тая медленно двигала жёлтый лоскут к краю плиты. Когда он оказался на самой кромке, житель один раз коснулся медной полоски в своём боку и один раз — половины пластины в руке Лады.

Отзвук прошёл между ними. На этот раз в шуме различился короткий человеческий обломок:

«...пока свет различает берега...»

Лада повторила фразу дословно. Житель не ответил. Она показала на освещённый ближний берег, затем на тень под дальними воротами. Переложил лоскут ниже.

Камень ударил один раз.

— Он не принял наше «до заката», — сказала Тая.

— Или старая запись знает другой срок, — сказал Сева.

Савва вскинул руки.

— Какая разница? Свет ещё есть.

— Разница в том, когда он перестанет различать берега. У ворот тень наступит раньше заката.

Лада позвала Раду и попросила поставить на дальнюю межу фонарь без огня. На ближней Тая установила второй. Пока оба были видимы с середины моста, путь считался открытым. Как только один сливался с тенью, перенос прекращался независимо от положения солнца.

Затем Лада обозначила право выхода: один удар — носильщики замирают; два — возвращаются ближайшим путём; три — кладут груз и отходят без него. Для людей установила

встречное право: если каменный житель сдвигается к линии, носильщики бросают ношу и возвращаются, а Демьян поднимает белый щит. Никакая сторона не обязана продолжать после сигнала опасности.

— А цена? — спросил Савва. — Вы велели назвать цену.

— За срочный перенос лечебница платит обычную доставку. Дополнительные восемь серебряников за разгрузку делят четверым носильщикам. Убыток остального обоза пока не признаётся платой города: причина перекрытия не установлена. Ваши расходы записываются и проверяются после выяснения, кто снял метки.

— То есть я могу потерять двести серебряников и получить запись?

— Да.

— Великолепный торг.

— Это не торг. Вы не продаёте Мирене жизнь. И каменный житель не обязан оплачивать все ваши ожидания только потому, что оказался поперёк дороги.

Савва хотел ответить, но приказчик принёс красный сундук. Большая счётная книга легла на плиту тяжело, как ещё один заложник.

Лада не стала звать старый Отзвук свидетелем. Повреждённая запись могла повторить ясные человеческие слова и утопить ответ камня в шуме. Вместо этого она назначила три проверки: Демьян считал людей и предметы; Тая следила за сигналами жителя; Сева проверял состав груза и время. Савва и Рада подтверждали получение и отсутствие лишних вещей. Ни один свидетель не мог заменить остальных.

— Начинайте, — сказала Лада.

Гордей первым ступил на мост. В раскрытой корзине у него лежали склянки настоя, переложённые шерстью. Сева нёс порошок и воду. Возчики — перевязь и иглы.

На третьем шаге житель поднял голову. Носильщики остановились сами.

— Удара не было, — прошептал один возчик.

— Поэтому ждём, — ответил Гордей.

Каменный клин повернулся к корзине. Из его швов высыпался песок. Затем он опустился.

Они пошли дальше.

Люди на обоих берегах молчали. Даже Савва перестал считать убытки вслух. Лада видела, как тень от ворот медленно ползёт к дальнему фонарю. Срок, согласованный точнее заката, оказался короче почти на четверть часа.

У самой середины Сева поскользнулся на известковой крошке. Корзина накренилась. Одна из склянок покатилась к краю линии.

Каменный житель ударил один раз.

Все четверо замерли.

Склянка остановилась у ноги существа. Между стеклом и медной полоской оставалась ладонь.

Сева не тянулся за ней. Пот стекал у него по виску, но он смотрел только на Ладу.

Один удар означал остановку. Не разрешение поднять упавшее. Если бы Лада крикнула «возьми», она добавила бы условие после согласия, когда другая сторона не могла проверить слова тем же способом.

Тая положила на ближней плите отдельный камешек за линией и показала поднятие. Житель не двигался. Она вернула камешек на линию и повторила. Каменная нога коснулась плиты один раз, тише прежнего.

— По линии, — сказала Лада. — Не сходя.

Сева опустился на колено, не переставляя ступней, и дотянулся до склянки. Когда она вернулась в корзину, житель убрал ногу.

Носильщики прошли.

На дальнем берегу Рада выхватила бы лекарство из рук Гордея, если бы Сева не загородил корзину плечом.

— Дозу сначала! — крикнул он. — Покажешь ребёнка.

Она повела его к воротам. Возчики сложили остальной груз у межи и повернули назад вместе с Гордеем. Условия требовали возвращения четверых, но Сева ушёл к больной.

Демьян тихо выругался.

Савва улыбнулся впервые без злости.

— Вот и ваш точный договор. Четверо туда, трое обратно.

Мост загудел.

Не удар — Отзвук. Под плитами шевельнулась вода, которой там не было много лет. Белая трещина от соли продвинулась ещё на палец.

Лада почувствовала, как слова смыкаются вокруг ошибки. Она сказала: «На дальнем берегу оставляют груз и возвращаются». Не «носильщики». Не «все четверо». Человеческий смысл допускал, что Сева останется лечить Мирену. Их рисунок показывал четыре камня в обе стороны.

Два способа свидетельства закрепили разные обещания.

— Гордей, стой! — крикнула она.

Трое возвращавшихся замерли у середины.

Каменный житель приподнялся, освобождая проход к дальнему берегу, и дважды ударил по плите.

— Назад, — сказала Тая. — Он требует возврата.

— Куда назад? — спросил Демьян.

Вот она, цена неточного согласия: каждый понимал направление от себя.

Лада подняла белый щит. Это было человеческое право выхода, не ответ камня. Гордей повернул людей к дальнему берегу, откуда они пришли последним движением. Житель не ударил снова.

— Все остаются там, — распорядилась Лада. — До нового предъявления никто не идёт.

— А обзор? — начал Савва.

— Молчит.

Она перешла ближнюю межу одна, без ленты и пластины. Договорницей она оставалась и без инструментов; стороной прохода — нет. У линии остановилась. Каменный житель смотрел не на неё, а на четыре камешка, один из которых Тая оставила на дальнем краю рисунка.

Сева вернулся к воротам и поднял обе руки.

— Порошок дали! — крикнул он. — Я останусь до следующего приступа.

Лада попросила его поставить на землю лекарский короб, отойти на шаг и коснуться себя. Затем Тая перенесла четвёртый камешек не обратно через мост, а к знаку больной — трём коротким линиям под кругом. Рядом положила второй жёлтый лоскут, меньший: срок лечения до исчезновения света у ворот.

Каменный житель долго не отвечал.

Лада не торопила. На дальнем берегу могла умирать девочка. На ближнем купец терял деньги. Под мостом копилась сила нарушенной записи. Всё это не превращало отсутствие ответа в согласие.

Наконец житель коснулся вросшей медной полоски, затем отдельного камешка. Один удар.

Тая выдохнула.

— Исключение принято.

— Предъявление исключения принято, — сказала Лада. — Проверим завершением.

Трое носильщиков вернулись на ближний берег. Сева остался у Мирены до тех пор, пока Рада не вынесла к воротам белую простыню с завязанным узлом — условный знак, что судороги прекратились и первая доза удержалась. Тогда лекарь вернулся один, с пустыми руками.

Когда он пересёк межу, каменный житель опустил ся. Белая трещина перестала расти. Оба фонаря ещё различались, но дальний уже тонул в синей тени.

Временный проход закончился не победой, а точным остатком: лекарства были на той стороне; соль, оружие, спирт и товар остались на этой; четыре человека вернулись; один договор пришлось исправить до того, как ошибка стала Искажением.

Савва смотрел на мост так, будто впервые видел в нём не дорогу, а чужое решение.

— Завтра я потребую весь убыток, — сказал он.

— Потребуете.

— И проход.

— Назовёте, для чего именно.

Он забрал лисью шапку поглубже на уши.

— Вы очень дорогая женщина, Лада Ведрина.

— Сегодня дороже обошлось одно неточное местоимение.

Демьян поставил красный сундук со счётной книгой в караульную башню и наложил свою печать. Тая добавила узел из камышовой нити. Савва — третью печать. Три знака не доказывали невиновность никого, но не позволяли одному человеку незаметно переписать прошлое.

Сева вернулся последним. На рукаве у него осталось тёмное пятно от настоя.

— Мирена дышит ровнее, — сказал он. — Ночь решит. И ещё: у неё не обычная горячка. На языке белый налёт, но не соляной. Металлический.

Лада посмотрела на раздавленный короб, в котором возили медь, на свежую белую пыль в старой царапине и на полосу метки в теле жителя.

— Такой же, как на дереве?

— Похож. Проверю водой и уксусом. Без обещаний.

С дальнего берега ударил вечерний колокол. Свет у ворот погас раньше солнца, как они и установили. Каменный житель развернулся к центральной опоре и высту чал новый ритм: четыре удара, пауза, три, пауза, один.

Тая не повторила его. Записала углём на своей дощечке.

— Четверо туда, трое назад, один отдельно, — сказал Демьян.

— Возможно, — ответила Лада.

Из-под моста донёсся слабый скрежет. Старый Отзвук подхватил ритм и на мгновение выговорил человеческим голосом:

«...свидетель принимает речь хранителя через назначенного...»

Дальше нечеловеческий голос снова превратился в шум.

Лада сжала половину пластины. Теперь они знали не только то, что старый договор был неполным. В нём существовал назначенный человек, который говорил за каменного хранителя.

И этот человек мог сделать любую его речь удобным пересказом.

Глава 3. Свидетель без лица

К утру мост научился шептать чужим голосом.

Каждый раз, когда вода в старом русле касалась нижних плит, из-под арки доносилось одно и то же:

— Назначенного... назначенного...

Последний слог рассыпался каменной крошкой. Караульные старались не смотреть вниз. Один всё-таки перекрестил рот, будто боялся, что Отзвук выберется через него.

Лада стояла у красного сундука Саввы Люта и ждала третьего свидетеля. Ночью печати не тронули: сургуч Демьяна сохранил вмятину от сколотого зубца, камышовый узел Таи не был перетянут, купеческий шнур оставался пропитан коричневым маслом. Но неприкосновенная книга ещё ничего не доказывала. Можно честно хранить запись, которую составили ложно.

Савва явился первым и потребовал открыть мост до завтрака. Демьян предложил сперва накормить его собственными накладными. Спор оборвался, когда Тая привела с дальнего берега Раду, мать Мирены.

— Девочка жива, — сказала Рада. — Жар меньше. Я пришла подтвердить получение.

— И увидеть, за что вас заставят заплатить, — добавил Савва.

Рада посмотрела на него без благодарности.

— Лекарство продала мне лечебница. Вы только везли.

Лада отметила это про себя. Вчера Савва говорил так, будто жизнь Мирены лежала в его телеге рядом с рулонами сукна и принадлежала ему до последнего вздоха.

Сева поставил на плиту три чашки. В одной была вода из городского колодца, во второй — из канавы у моста, в третьей — настой, которым лечили Мирену. Во всех он оставил железные иглы на ночь. Игла из колодезной воды потемнела. Из канавы покрылась белёсым налётом. Игла из настоя стала медно-красной.

— Это не один след, — сказал он. — В канаве соль и известь. В настое что-то медное. На языке у Мирены было и то и другое.

— От лекарства? — спросила Рада.

— Настой соприкасался с медью до того, как я его увидел. Вчерашний порошок чистый. Старые дозы — нет.

Савва повернулся к приказчику.

— Тару проверяли?

— Склепки запечатаны лечебницей.

— Значит, лечебница и ответит.

— Или тот, кто вёз их рядом со снятыми метками, — сказала Лада.

Она сняла три печати. Савва сам открыл сундук. Счётная книга пахла пылью, жиром и тем самым коричневым маслом. Приказчик нашёл закупки меди за последний месяц: листы для кровли, котлы, проволоку, старые скобы. Медная нить из договорных меток нигде не значилась.

— Видите? — Савва положил ладонь на страницу. — Я её не покупал.

— Вижу, что её не записали как медную нить.

Лада попросила назвать вес каждой покупки. Приказчик стал считать по столбцу. На третьей странице обнаружилась партия «лома мостового, смешанного» — два пуда, купленных у управского подрядчика за цену, слишком низкую даже для ржавого железа.

— Кто подрядчик? — спросил Демьян.

Приказчик показал строку. Имени там не было, только должность: смотритель перехода.

— Это мастер Корень, — сказала Рада. — Был. До него — другой.

— Какой другой?

— Не помню. Смотрители менялись. Печать одна.

На полях стоял знак: арка, перечёркнутая вертикальной чертой. Лада видела его вчера на старой царاپине пластины, только там рядом расходилась трещина, похожая на почерк Ии.

Савва выдернул книгу из-под её руки.

— Два пуда смешанного лома не равны краже договора.

— Поэтому книга остаётся доказательством покупки, а не признанием кражи. Ваш обоз пока не идёт.

— Вы обещали осмотр утром.

— Осмотр будет. Прохода я не обещала.

Он нашёл в памяти её точные слова и, не найдя лазейки, захлопнул рот.

Для старого договора нужен был не сундук, а лицо человека, которого давно не было. Архив управы хранил копию на льняной ленте, однако принести её к мосту отказались: писарь заявил, что подлинник нельзя выносить из сухого помещения. Тогда Демьян принёс писаря вместе со столом, стулом и сухим помещением — караульным навесом, который велел обтянуть промасленной тканью.

Писарь по имени Клим оказался узким мужчиной с таким длинным носом, что дождь капал с него прямо на опись. Он держал свёрнутую ленту двумя пальцами.

— Копия заверена управой, мостовой службой и Свидетелем, — объявил он. — Составлена сорок один год назад. Оснований сомневаться нет.

— Основания стоят посреди моста, — сказала Тая.

Каменный житель не сдвинулся за ночь. В его боку тускло блестела вросшая половина медной пластины.

Клим разложил ленту. Человеческая часть шла ровными строками: город обязуется не переносить через мост соль без закрытой прокладки; хранитель удерживает опоры и предупреждает о разломе; смотритель перехода принимает речь хранителя и объявляет её управе; спор разбирают при трёх названных свидетелях. Ниже следовал длинный абзац от первого лица:

«Я, хранитель нижней арки, позволяю людям проход и перевоз...»

Лада не читала дальше.

— Кто написал эти слова?

— Писарь договора.

— Кто произнёс?

Клим нахмурился.

— Хранитель. Здесь же сказано.

— У него есть человеческое имя?

— В документе — нет.

— Человеческий рот?

— Не придирайтесь к форме.

— Форма сейчас держит ваш мост.

Лада попросила Таю показать вчерашний ритм. Четыре удара, пауза, три, пауза, один. Тая воспроизвела его деревянным молоточком на отдельной плите, не касаясь договорной линии. Каменный житель поднял голову и ответил: два удара, четыре, затем длинное трение по меди.

На ленте не было ни ритма, ни схемы прикосновений, ни отметки о материале, на котором хранитель отвечал. Только гладкая человеческая речь.

— Возможно, он говорил иначе сорок лет назад, — сказал Клим.

— Возможно. Как это проверить?

Писарь провёл пальцем по печатам.

— Заверением.

— Заверение доказывает, что трое признали запись. Не то, что хранитель произнёс её именно так.

Клим прижал ленту ладонями, словно Лада пыталась её отнять.

— Вы ставите под сомнение любой договор с существом, которое не пишет.

— Нет. Я ставлю под сомнение договор, где вместо способа его речи оставили удобный перевод без исходного знака.

Она разделила плиту угольной линией. Слева Тая переписала человеческое обязательство о соли. Справа нарисовала мост, закрытый короб, соляной знак и две медные пластины. Затем Лада попросила Клим прочесть старую фразу о закрытой прокладке.

Каменный житель ударил один раз.

Савва победно хмыкнул.

— Принято.

— Проверка не закончена.

Тая заменила закрытый короб открытой корзиной, накрытой плотной тканью. Житель снова ударил один раз. Потом они показали деревянный ящик с медными скобами — два удара. Кожаный мешок — один. Пустой глиняный сосуд, запечатанный воском, — тишина. Сосуд с солью внутри — каменная ладонь легла на плиту и не поднялась.

Одна человеческая фраза «закрытая прокладка» соответствовала трём разным ответам и одному отказу. Она не могла быть дословной речью хранителя. Она была решением переводчика.

— Смотритель выбирал допустимую тару, — сказал Сева. — А записали так, будто выбор сделал хранитель.

— Смотритель принимал речь, — возразил Клим. — Он был назначен именно для этого.

— Кем назначен?

Вопрос оказался тяжелее всех опытов. Клим развернул опись приложений. Назначение должно было храниться под четвёртым номером. Между третьим и пятым на шнуре висел пустой прокол.

— Утрачено при сырости, — сказал он слишком быстро.

— Сырость съела лист, но оставила шнур и номер?

— Могли снять для копирования.

— Кто имел право?

— Управа. Мостовая служба. Палата рубежей.

Последние слова ударили точнее камня. Сорок один год назад Палата уже существовала, хотя договорниц тогда называли граничными толмачами. Лада сама носила её печать. Если назначенного посредника утверждала Палата, ошибка была не местной уловкой, а правилом профессии.

Демьян наклонился к пустому проколу.

— Имя смотрителя в других бумагах есть?

Клим начал перебирать опись. В ежегодных отчётах люди менялись: Родан Вяз, Микула Остень, Пётр Корень. Должность оставалась. Под каждым именем стоял один знак перечёркнутой арки.

— Значит, назначенным был не человек, — сказала Тая. — Назначенным было место.

Клим уцепился за это как за спасение.

— Должность обеспечивает непрерывность.

— И стирает лицо того, кто пересказывал, — ответила Лада.

Если хранитель спорил с Роданом, а договор нарушал Микула, Отзвук всё равно помнил лишь «смотрителя перехода». Ответственность переживала людей, но проверить их отдельные решения было невозможно. Свидетель имел печать, право говорить и множество сменных ртов — и ни одного лица.

С моста раздался скрежет. Житель поднял пластину в своей ладони и приложил к вросшей половине. Края совпали. По меди пробежала тонкая дрожь.

Отзвук заговорил человеческим голосом Клим, хотя тот молчал:

«Я, хранитель нижней арки, позволяю...»

Под словами бился другой рисунок: два коротких удара, царапанье, четыре удара. Тая закрыла глаза, слушая не фразу, а промежутки.

— Он не повторяет текст, — сказала она. — Он перебивает.

Клим побелел.

Лада взяла у Таи молоточек и ударила человеческую строку на плите одним ровным ритмом. Затем показала хранителю ленту, указала на его пластину и развела руки: одно ли это?

Житель ударил дважды.

Она повторила вопрос с вчерашним временным договором, где четыре камня, груз и возвращение были предъявлены обеим сторонам. Один удар.

Проверка была грубой, но различие устойчивым. Старую запись хранитель не признавал совпадающей со своим знаком. Новую — признавал.

— Он мог изменить мнение, — сказал Савва.

— Мог. Поэтому нужен ещё один способ.

Лада попросила Севу принести мешочек соли, но не приближать к мосту. На безопасной плите он разделил соль на четыре кучки. Тая выложила рядом четыре вида тары из опыта. Лада читала старый договор по одному условию, а Тая после каждого предъявляла варианты. Житель отвечал не на название тары, а на сочетание соли, металла и контакта с мостом. Его запрет был устроен как последовательность материальных признаков. Человеческая запись свела её к одному слову и потеряла исключения.

При третьем опыте из старой царапины на ближней пластине выступила белая пыль. Сева собрал её влажной нитью и сравнил с налётом на игле из настоя. Цвет совпал.

— Медная соль, — сказал он. — Не кухонная. Если соскоблить метку, промыть её рядом с лекарской тарой и оставить влагу, получится такой след.

Рада тихо спросила:

— Мирену отравили из-за моста?

— Мы знаем только путь загрязнения, — ответил Сева. — Не намерение.

Лада увидела, как Рада собирается превратить осторожность в уклонение, и добавила:

— Но путь уже можно проверять. Старые склянки, телеги, склад лечебницы и купленный лом будут опечатаны отдельно. Никто не спрячет всё одной печатью.

Савва потребовал осмотреть обоз немедленно. На этот раз Лада согласилась. Осмотрели шесть телег. В пятой, под рулонами сукна, лежал ящик смешанного лома. По накладной — тот самый, купленный у смотрителя перехода. Внутри были железные скобы, зелёные медные обрезки и катушка тонкой проволоки с белым налётом.

Края одного обрезка совпали со свежим изломом на межевой стойке.

Приказчик Саввы сел прямо в грязь.

— Я не знал.

— Возможно, — сказала Лада.

Савва смотрел на лом, как на предательство собственной книги.

— Корень продал это законно. С печатью.

— Печать доказывает продажу, — напомнила Лада. — Не право продавать.

Демьян велел связать приказчика. Лада остановила его.

— Он остаётся под наблюдением и отдельно даёт показания. Связывать без основания — значит подарить ему основание молчать.

— А мостовой мастер?

— Найти живым, если возможно. Он не просто снял медь. Он занимал должность, которая имела право превращать ответ хранителя в человеческую речь.

Клим медленно свернул ленту.

— Если вы объявите договор недействительным, город останется без права на мост.

— Я этого не объявляла.

— Но вы доказали подмену.

— Я доказала, что пересказ записан как исходная речь. Человеческие обязательства существуют. Действия хранителя существуют. Привычный проход существовал десятилетиями. Теперь нужно отделить то, что стороны действительно проверяли, от того, что за них решил безликий посредник.

— До тех пор?

Лада посмотрела на два берега. На одном ждали телеги, на другом — жители, которым к полудню понадобятся мука и чистая вода. Полностью закрыть мост было безопасно только для тех, у кого имелись запасы.

— До тех пор будут отдельные временные предъявления для каждой нужды. Без соли, снятой меди и закрытого лома. С независимым знаком хранителя и человеческой записью. Медленно, дорого и без права прятать решение в должности.

Савва выругался, но уже тише. Его товар задерживали; его же книга дала след; его обоз привёз металл, от которого заболела девочка. Впервые цена прохода не помещалась в один столбец.

Каменный житель вытянул руку за межу. На ладони лежала соединённая пластина. Между половинами проступила ещё одна строка знаков — не буквы, а насечки разной глубины. Тая пересчитала их и замерла.

— Здесь отмечены смены, — сказала она. — Один рисунок повторяется столько раз, сколько имён в отчётах.

Последняя насечка обрывалась на середине.

— Корень? — спросил Демьян.

Тая указала на пустое место после неё.

— Нет. Следующая смена. Та, которую не внесли в человеческую опись.

Отзвук под аркой заговорил снова. Теперь из шума вынырнула полная фраза:

«Свидетель принимает речь хранителя через назначенного, пока назначенный носит знак перехода».

Лада посмотрела на печать перечёркнутой арки в книге Саввы, на такой же знак в описи и на свежую царапину рядом со знаком Ии.

Назначенного не требовалось выбирать заново. Достаточно было завладеть знаком.

А знак мостового мастера исчез вместе с ним.

Глава 4. Дом из камышовых костей

Тая разбудила Ладу до рассвета и велела не обуваться.

— Топельники не любят сапог?

— Топельники не любят, когда им лгут ногами.

На полу караульного дома стояли четыре пары плетёных лаптей, ещё влажных и пахнущих речной тиной. Тая выбрала самые широкие, проверила узлы и протянула Ладе. Гордей уже сидел у двери, мрачный от недосыпа. Он держал свои лапти на коленях так, будто ему предложили оружие с неизвестным остриём. Сева укладывал в сумку стеклянные трубки, моток белой нити и три пустых пузырька.

— В сапогах человек продавливает верхний слой, — пояснила Тая. — На сухой земле это след. На топи — маленькая канава. Вода уходит за пяткой. Если тысяча людей пройдёт одной тропой, получится приказ руслу.

— А лапти не оставляют следов? — спросил Гордей.

— Оставляют. Но распределяют вес. Мы не обещаем не касаться их дома. Мы показываем, что знаем цену касания.

За окном ещё горели фонари у моста. Каменный житель оставался на пролёте, и обоз Саввы темнел на дороге неподвижной грядой. Демьян согласился отпустить Ладу лишь после того, как поставил у смешанного лома двух караульных и получил письменное распоряжение: до возвращения договорницы не разбирать телеги, не снимать печати и не пытаться заменить знак пропавшего смотрителя новым.

— Вы уходите от единственного места, где уже нашли нарушение, — сказал он.

— Я иду туда, куда ведёт вода с этого места.

Тая ещё ночью заметила в нижних насечках медной пластины знак, похожий на раскрытую метёлку камыша. На человеческой описи такого приложения не было. Зато в старой карте Сольного Брода тонкая линия от мостового русла уходила на юг, к участку, названному Пустой Низиной. Тая прочла название и рассмеялась без веселья: топельники звали ту же землю Домом Долгих Стеблей.

Они вышли через огороды. За последними избами начинались поля — ровные полосы озимой ржи, разделённые канавами. В предрассветной синеве вода в канавах казалась железной. Она текла не к полям, а от них, собираясь в широкий отводный ров. На каждой развилке стояли свежие плетёные щиты, направлявшие поток к мостовому руслу.

— Их поставили весной, — сказал Сева, присев у одного. — И углубляли недавно.

На срезе земли виднелись три цвета: чёрный влажный слой, ниже рыжая глина, а над ними светлая сухая крошка толщиной в ладонь. Корни ржи уходили только в верхнюю полосу.

— Кто распорядился? — спросила Лада.

— Управа, — ответил голос позади.

Их догнал худой парень с лопатой на плече. Лада видела его у моста среди тех, кто требовал открыть проход. Теперь на нём была не городская куртка, а короткая рабочая рубаша, заляпанная глиной.

— Нестор Пядь, полевой выборный, — представился он. — Демьян сказал, вы пошли смотреть стоки. Я покажу. Без меня вы увидите только грязь и решите, что её можно налить куда угодно.

Тая остановилась.

— Дальше он идёт без лопаты.

— Это мерка.

— Для тебя.

Нестор хотел спорить, но Лада попросила положить лопату у крайнего щита. Он воткнул её в сухую кромку так, чтобы издалека было видно древко.

— В прошлом году вода стояла до середины лета, — сказал он, шагая рядом с Севой. — Корни сгнили. Половину посева съел чёрный червь. Осенью углубили главный ров, зимой укрепили створы, весной отвели избыток. Теперь поле держит человека.

— А куда пришёл избыток? — спросила Лада.

— В старое русло. Куда ему и положено.

Тая шла впереди и не оборачивалась.

— Кто положил?

— Вода всегда стекала к реке.

— Не вода. Положено.

Нестор раздражённо дёрнул плечом.

— На управской карте низина пустая. Там никто не сеет, не строит и подать не платит.

— Значит, никто не живёт?

— Значит, город не может кормиться болотом.

Край поля закончился неожиданно. Последняя полоса ржи стояла зелёной и густой, а за межей земля проваливалась в серую чашу. Камыши там не росли стеной — торчали редкими обломанными пучками. Между ними лежала растрескавшаяся корка, покрытая белёсым налётом. По ней тянулись узкие канавы, слишком прямые для природных ручьёв.

Солнце ещё не поднялось, но по сухому дну уже бежали тени. Они двигались от одного куста камыша к другому, не совпадая с ветром.

Гордей положил ладонь на рукоять ножа.

— Руку убери, — сказала Лада.

— Я только держу.

— Они видят только это.

Тая сняла с шеи связку тонких тростниковых колец. Положила первое на кромку, второе — на два шага дальше, третье бросила в неглубокую лужу. Кольцо не утонуло. Вода вокруг него дрогнула, и из ила медленно поднялись семь полых стеблей.

Сначала Лада приняла их за пучок камыша, принесённый течением. Затем стебли согнулись в суставах. Между ними натянулась прозрачная плёнка с тёмными жилками. Существо было ростом с ребёнка, но сравнение исчезало, стоило ему двинуться: у человеческого тела не бывает трёх опор, грудной клетки, открытой с обеих сторон, и головы, собранной из сухих коробочек с семенами. Внутри полостей перекачивалась вода. Каждый поворот отзывался тихим переливом.

За первым поднялись другие. Один состоял почти целиком из зелёных побегов. Другой нёс на спине тяжёлый ком мокрого торфа, проросший белыми нитями. Третий был лишь движением под тёмной плёнкой воды: на поверхность выходили то пальцы из корней, то венчик камыша.

Нестор отступил на шаг.

Корка под его лаптем хрустнула.

Все топельники замерли.

Тая коснулась своего горла и провела пальцами вниз, к животу. Потом зачерпнула воду из лужи, дала ей протечь сквозь ладонь и коснулась земли.

Первый топельник ответил не звуком. Вода в его полых костях поднялась от нижних стеблей к верхним. Один сухой узел остался пустым.

— Он спрашивает, зачем мы принесли человека, который режет течение, — перевела Тая.

— Ты слышишь слова? — спросил Сева.

— Нет. Вижу порядок наполнения. Слышу воздух в пустом узле. Слова мои.

Она произнесла последнее громче, для Лады.

Лада достала из сумки две дощечки. На одной углём был нарисован мост, на другой — поле и отводные рвы. Она положила их по разные стороны третьего тростникового кольца.

— Мы пришли проверить связь, а не обещать решение. Тая передаёт ваши знаки человеческой речью. Сева проверяет воду и землю. Нестор показывает устройство полей. Гордей отвечает за нашу безопасность, но не пересекает кольцо с оружием в руке. Я называю вопросы и записываю только то, что можно предъявить вам повторно.

Тая переводила жестами, водой и последовательностью касаний к кольцам. Топельники отвечали группой. В одном поднималась вода, другой наклонял сухие коробочки, третий выпускал из торфа пузырь воздуха. Их фраза не принадлежала одному телу. Если смотреть только на первого, получалось требование; только на второго — предупреждение; только на третьего — указание срока. Вместе возникала мысль.

Тая повторила:

— Они признают нас пришедшими для проверки до полуденной тени. Не признают нас свидетелями обещания. Не признают Нестора говорящим за всех людей. Не обещают безопасности за внешним кольцом.

— Очень гостеприимно, — пробормотал Нестор.

Вода в ближайшем топельнике резко ушла вниз.

— Он слышал тон? — спросил Гордей.

— Он почувствовал воздух. Здесь всё проходит через полости.

Лада попросила показать дом.

Топельники расступились. За ними открылась тропа, которой секунду назад не было видно: цепочка влажных пятен среди сухой корки. Тая пошла первой, наступая только туда, где блестела вода. Лада — следом. Лапти прогибались, но не прорезали поверхность. Гордей держался за ней, Сева считал шаги. Нестор замыкал и всё чаще оглядывался на зелёную линию своего поля.

Дом Долгих Стеблей начинался с костей.

Так их назвал бы человек: светлые дуги, рёбра и переплетённые суставы. Но это были корневища камыша, выращенные слоями и высушенные снаружи. Они образовывали низкие своды над протоками. В каждом своде оставались отверстия, куда входила вода при подъёме. На стенах висели коконы из тины и травы. Одни шевелились, другие раскрылись и высохли. Под самым большим сводом лежала чаша, сплетённая из живых корней. На её дне блестело воды не больше, чем в ладони.

Зелёный топельник забрался внутрь чаши и распустил по ней тонкие отростки. Они не дотянулись до влаги.

Тая опустилась на колени.

— Это не ребёнок, — сказала она, прежде чем кто-либо спросил. — Не называйте так. Это новый узел дома. Они выращивают тела там, где сходятся вода из трёх протоков, тень взрослых стеблей и торфяное тепло. В этом году протоки не сошлись.

Сева попросил разрешения взять пробы. Пришлось предъявить отдельно пузырёк, нить, место забора и объём. Топельники отвергли стекло, когда он показал, что закроет воду пробкой. Согласились на льняную нить: она впитает несколько капель и вернётся после сравнения. Для земли разрешили соскоб с внешней стороны мёртвого свода, но не из чаши.

Нестор смотрел на раскрытые коконы.

— Камыш сохнет каждый жаркий год.

Тая не стала переводить.

— Почему? — спросила Лада.

— Потому что это не вопрос.

Лада дала Нестору одну дощечку и уголь.

— Нарисуй прошлогодний уровень воды и нынешний. Не словами.

Он провёл на своде условную черту, потом спохватился и перенёс рисунок на доску. Прошлоголетняя линия оказалась на две ладони выше нынешней. Топельники задвигались. Один вытянул из торфяного кома длинный корень и приложил к верхней черте. На корне темнели семь тесных колец, затем шёл светлый участок и три разрыва.

Сева сравнил кольца с отметинами на живом камыше.

— Семь подъёмов воды, — сказал он. — Светлый участок начался после последнего. Разрывы свежие.

— Ров углубили после жатвы, — признал Нестор. — Три раза: осенью, перед снегом и весной.

Первый топельник поднял воду по трём стеблям и каждый раз резко сбросил её. Совпадение не требовало перевода.

Они пошли дальше. Внутри сводов воздух был холоднее, чем над полем. Под лаптями пружинил торф, исчерченный тонкими белыми линиями. Сева коснулся одной влажной нитью. На ткани выступил голубовато-зелёный след.

— Медь, — сказал он. — Мало, но есть.

Лада вспомнила налёт на лекарской игле, катушке из обоза и старой договорной пластине.

— От моста?

— Если вода шла сюда раньше — могла принести. Но сейчас главный поток отвели в русло, а эти протоки почти закрыты. След старый или приходит при редких сбросах. Нужно сравнить состав, не цвет.

Топельник с торфяной спиной дёрнулся, когда Сева произнёс слово «медь». Из его кома вышел пузырь, пахнувший горькой зеленью. Тая попросила повторить. Сева показал медную монету, не приближая к воде. Несколько существ сложили стебли в знак, похожий на перечёркнутую арку.

— Они знают знак смотрителя, — сказала Лада.

Тая долго наблюдала за уровнями воды в их телах.

— Знак приходил сюда. Не человек — знак. Носитель открывал и закрывал течение. За открытие дом отдавал...

Она замолчала.

— Что?

— Я вижу пустые стебли, вынутые из живой стены. Это мог быть камыш. Могло быть право пройти. Мог быть один из них.

Лада вынула чистую дощечку.

— Не выбирай удобное слово. Пусть покажут предмет.

Топельники повели их к дальнему краю дома. Там своды обрывались у широкой канавы. По одну сторону дно оставалось влажным, по другую было забито плотными пучками срезанного камыша, глиной и камнем. Внутрь плотины вбили медную скобу со знаком перечёркнутой арки.

Нестор присел, не переступая кромки.

— Это не наш щит. Мы ставим ивовые кольца.

— Ваш ров куда выходит? — спросила Лада.

Он показал на север. Главный отвод огибал низину, но один боковой створ соединялся с этой канавой.

— Когда поле переполнено, мы открываем сброс. Вода должна идти через низину в старое русло.

— Должна, — повторила Тая. — Но проход закрыт.

Получалось хуже, чем простое осушение. Люди отвели постоянную воду от топи, чтобы спасти корни ржи, а паводковый избыток сбрасывали сюда. Дом топельников то высыхал, то принимал ударную волну с поля. Плотина смотрителя удерживала воду не там, где жили существа, а в канале к мосту. Кто-то превращал их территорию в временную чашу для чужого избытка.

Сева вытащил мерную нить и привязал к ней узелки через ладонь. Топельники позволили опустить её в три протоки. В первой глубина не достигала одного узла. Во второй вода стояла на полутора. Третья за плотиной была глубже четырёх, но не текла к дому.

— Если вынуть скобу и разобрать преграду, уровень начнёт выравниваться, — сказал Сева.

— И поле потеряет сброс, — ответил Нестор. — При первом ливне вода вернётся в борозды.

— Сейчас она не уходит из борозд к ним, — заметил Гордей. — Она проходит мимо.

— Потому и не стоит у нас по колено.

Лада попросила Нестора назвать запас до следующего урожая. Он ответил не сразу.

— В городских амбарах шесть недель обычной выдачи. Если мост откроют, купим ещё.

— А если не откроют?

— Четыре. Может, пять, если уменьшить пекарям норму.

— Сколько времени выдержит дом без воды? — спросила Лада у Таи.

Перевод занял дольше. Топельники не считали днями. Они предъявили тень от свода, высоту солнца и три зелёных узла в чаше. Сева перевёл их в человеческую меру осторожнее:

— Один узел уже перестал расти. Второй высохнет примерно за два дня такой погоды.

Третий — ещё через день или два. После этого даже возвращённая вода не восстановит этот выводок... этот узел дома.

Нестор провёл ладонью по лицу.

— Они хотят затопить поле ради трёх пучков.

Тая резко повернулась к нему.

— А ты хочешь высушить дом ради шести недель зерна.

— Не шести недель. До нового урожая. Эти шесть недель — то, что уже есть.

— Тогда говори точно, и тебе ответят точно.

Лада встала между ними, хотя спор пока шёл только по-человечески.

— Мы не сравниваем ценность тел и колосьев. Мы устанавливаем, что погибнет при каждом действии.

Она разложила на сухой корке камни. Один обозначал плотину, три малых — протоки, полоски коры — поля. Нестор добавил две деревни ниже ржи и городской амбар. Сева положил белую нить там, где проходила вода. Тая передала схему топельникам.

Ответ пришёл сразу. Существа вынули камень-плотину, переложили белую нить через все три протоки и подняли воду в телах до одинаковой высоты.

— Требование: открыть все три течения и держать воду на высоте нижней перекладины дома, — сказала Тая.

Нестор выругался.

— Это вернёт зеркало до межи. Нижняя треть поля размокнет за сутки.

Лада подняла ладонь.

— Это их первое предъявление. Теперь проверка границ. Какая именно перекладина? Как измерять? На какой срок? Что происходит при ливне? Допускают ли они отвод выше опасной высоты?

Топельники отвечали на каждый вопрос, меняя уровни воды в собственных телах. Нижней перекладиной оказался корень под большим сводом. Измерять соглашались узелковой нитью в трёх названных точках. Вода должна была держаться до появления новых зелёных

колец на всех трёх узлах дома. При ливне разрешался отвод избытка, но только после того, как поток одновременно коснётся трёх камышовых меток. Ни одно человеческое лицо не могло открыть створ единолично: требовался знак топельников и знак полевого выборного.

— Срок? — повторила Лада.

Топельники показали три новых кольца, затем сухие коробочки с семенами.

— Они связывают окончание не с числом дней, а с ростом, — сказала Тая. — Если воды недостаточно, срок не закончится.

— Значит, навсегда, — бросил Нестор.

— Значит, условие надо отделить от погоды, — ответила Лада.

Она предложила две меры: девять дней поддержания уровня и проверка живых узлов на десятый. Если рост не начинается, стороны заново устанавливают причину; если начинается раньше, постепенный отвод допускается после независимой проверки Севой или другим названным мерщиком. Топельники отвергли девять дней. Приняли двенадцать человеческих восходов и обязательный пересмотр на шестом.

Нестор подсчитал вслух:

— За двенадцать дней нижняя полоса выпадет. Если пойдёт дождь — средняя тоже. Это треть ржи. Мы не подпишем.

— Вас пока не просят подписывать, — сказала Лада. — Вас просят услышать требование в форме, которую можно проверить.

— Я услышал. Они хотят нашу еду.

Первый топельник резко наполнил верхние стебли, а нижние оставил пустыми. Другой ударил корнем по сухой корке. Тая побледнела.

— Они говорят, что еду забрали у них. Вода несла мелкую рыбу, семена и ил. После отвода дом питается собственными стенами.

Она показала на своды. Теперь Лада увидела обгрызенные края корневищ. То, что казалось естественным разрушением, было следом голода.

Нестор отвернулся к полю.

— Если вернуть воду полностью, город потребует солдат. Не потому, что топельники чудовища. Потому что родители не дадут утопить хлеб.

— А если не вернуть? — спросил Гордей.

— Тогда они полезут к створам сами. И солдаты всё равно придут.

В его голосе не было угрозы. Только расчёт человека, который знал соседей лучше управских карт.

Лада почувствовала знакомое искушение: найти середину, назвать её справедливой и заставить стороны отступить поровну. Но вода не знала середины. Ниже определённого уровня молодой узел умирал; выше другого уровня гнили корни ржи. Между этими высотами могло не оказаться ни одной безопасной черты.

— Есть ли запасной проток? — спросила она.

Тая перевела. Топельники показали на северо-восток, под полем. Нестор покачал головой.

— Старое русло засыпали ещё при моём деде. Там теперь амбарная дорога.

— Его можно открыть?

— Можно вскрыть всё что угодно. Дорога просядет, телеги не дойдут до амбара, а вода всё равно пойдёт через нижнюю рожь.

Сева исследовал край плотины и подозревал Ладу. Медная скоба держала не только пучки камыша. К ней была прикручена тонкая проволока — такая же, как в ящике Саввы. Проволока уходила под глину к деревянному створу.

— Это затвор, — сказал он. — Если потянуть со стороны русла, преграда сожмётся и перекроет канал. Если отпустить, камыш разойдётся. Кто-то мог управлять течением, не приходя сюда.

— От моста?

— Или от бокового колодца. Надо проследить.

Топельники окружили их. Вода во всех телах поднялась одинаково, затем остановилась на высоте, которую они требовали для дома. Из сводов пришёл глухой звук — не голос, а множество полых стеблей, втягивающих воздух.

Корка под ногами стала влажной.

Гордей вынул нож.

Три топельника мгновенно распались. Стебли легли на землю, корни ушли под плёнку воды. За спиной Гордея поднялось другое тело, выше человеческого роста, собранное из десятков сухих рёбер.

— Убери, — сказала Лада.

— Вода прибывает.

— Поэтому убери.

— Они окружают нас.

— Они показывают, что могут открыть подземный приток. Нож не остановит воду.

Гордей не опустил оружие. Его ошибка была не в страхе: вода действительно выступала из трещин, а топельники действительно перекрыли обратную тропу. Ошибка была бы назвать любое движение нападением и тем самым позволить клинку решить, что именно произошло.

Лада встала перед ним спиной к существам.

— Ты признан здесь только как защита от названного вреда. Вред сейчас не назван. Если ударишь первым, станешь отдельной стороной, и я не буду говорить от твоего имени.

— Очень утешает.

— Мне тоже страшно.

Он посмотрел на воду у её лаптей, на высокое тело за плечом и медленно вложил нож в ножны.

Прибывание прекратилось.

Тая выдохнула.

— Это было предложение меры. Они подняли воду до требуемой высоты и остановили. Хотели показать, что способны восстановить её сами.

— Почему не сделали раньше? — спросил Нестор.

Перевод изменил движение всей группы. Несколько тел повернулись к большому своду. Зелёный узел в чаше дрогнул. Тая долго не могла собрать человеческую фразу.

— Потому что подземная вода солёная. Её можно поднять один раз, может два. Потом соль останется в доме и в поле. Они не восстанавливают течение. Они тратят последнее безопасное дно.

Нестор опустился на корточки и коснулся влажной корки. Попробовал каплю на язык, сразу сплюнул.

— Если они поднимут ещё, рожь не просто вымокнет. Земля засолится.

— И их дом тоже, — сказал Сева.

Требование перестало быть угрозой, которую одна сторона могла исполнить силой. Оно стало предупреждением о пределе. Через два дня топельники либо получают пресную воду, либо начнут поднимать солёную, чтобы сохранить молодые узлы. После этого поле и топь могли стать непригодны вместе.

Лада достала красный шнур Палаты, но не стала натягивать его между сторонами. Свидетельство сейчас превратило бы исследование в обещание, а ни у неё, ни у Нестора не было права обещать за город.

— Я запишу предъявленное требование и последствия отказа. Не как согласованный договор. Тая повторит запись вашей группе через воду и схему. Нестор подтвердит только устройство полей, запас зерна и ожидаемый ущерб. Сева — уровни и солёность. Гордей — что подъём остановился после убранного оружия и не причинил вреда. Каждый вправе отвергнуть мою формулировку своей части.

Нестор нахмурился.

— А кто подтвердит их угрозу?

— Они сами. Материально: уровнем, тремя точками и пробой воды. Мы не назовём это угрозой, пока не отделим возможность от намерения.

— Для поля разницы нет.

— Для решения есть.

Она написала на четырёх дощечках. Первая содержала требование топельников: восстановить пресный проток и поддерживать названную высоту двенадцать восходов с пересмотром на шестом. Вторая — человеческую цену: риск потери нижней трети ржи и затруднения амбарной дороги. Третья — последствия бездействия: гибель молодых узлов в течение двух — четырёх дней и возможный подъём солёной подземной воды. Четвёртая — неизвестное: кто поставил управляемую плотину, куда ведёт проволока и на каком основании знак зрителя распоряжался течением.

Тая перевела каждую доску отдельно. Топельники исправили первую: им нужна была не просто пресная вода, а течение. Стоячая вода не приносила воздух и пищу. Исправили третью: солёную воду они поднимут после высыхания второго узла, а не в заранее названный день. Нестор исправил вторую: нижняя треть погибнет наверняка при полном уровне, средняя — только при дожде или закрытом городском стоке. Сева отказался подтверждать срок гибели точным числом без повторного измерения на следующий восход.

Когда все возражения были внесены, первый топельник отделил от своего плеча сухое кольцо и положил на дощечку с требованием. Не печать — образец полости, по которой Тая могла повторить высоту воды.

Нестор снял с пояса деревянную бирку полевого выборного и положил на доску с ценой для ржи.

— Это не согласие, — сказал он.

— Это подтверждение твоих сведений.

— Так и запишите.

Лада записала.

На обратном пути влажная тропа была шире. Топельники не сопровождали их телами, но вода появлялась впереди каждого шага. У внешнего кольца Лада обернулась. Дом из камышовых костей уже скрывался среди теней, и только верхушки сводов дрожали над сухой чашей.

Нестор забрал лопату у межи.

— На сходе вам скажут, что существ на управской земле нет. Потом покажут карту. Потом спросят, сколько детей вы готовы оставить без хлеба ради болотной травы.

— А ты что скажешь?

Он посмотрел на свою бирку, лежавшую теперь у Лады между дощечками.

— Что карта не удержит солёную воду. И что поле уже зависит от их решения, даже если мы откажемся считать их стороной.

Это было меньше согласия и больше, чем Лада ожидала.

У первого отводного щита Сева нашёл проволоку. Она шла под дерниной вдоль канавы, огибала поле и тянулась на север, к мостовому руслу. Через каждые сто шагов её поддерживали маленькие медные скобы. Большинство было снято совсем недавно — в земле оставались зелёные отпечатки и свежие пустоты.

— Кто-то разбирал привод, — сказал Гордей.

— Или собирал металл на продажу, — ответила Лада.

— И случайно оставил рабочий конец у плотины?

— Не случайно. Но мы пока не знаем, зачем.

Проволока вывела их к боковому колодцу возле старой дороги. Крышка была заперта управской скобой. На дереве чернел знак перечёркнутой арки. Рядом виднелась вторая выемка — узкая, ветвистая, похожая на трещину.

Лада провела пальцем над знаком, не касаясь его.

Так Ия помечала места, где свидетель слышал только одну сторону.

Из-под крышки донёсся слабый металлический звон. Проволока натянулась, хотя никто из них её не трогал.

На поле один за другим начали подниматься отводные щиты.

Вода из канав повернула к Пустой Низине.

Нестор бросился к ближайшему створу.

— Если откроются все, поток ударит в дом сразу!

Лада перехватила его за рукав.

— Не закрывай один. Мы не знаем, что связано с остальными.

Под землёй снова звякнуло. На этот раз звук пришёл не со стороны моста, а из самого поля.

Кто-то приводил старый договор в действие.

Глава 5. Нейтральный нож

Первый щит ударил о верхний упор. Второй поднялся наполовину и застрял, дрожа под напором. Третий ещё лежал в канаве, но медная проволока над ним натянулась так туго, что с неё сыпались зелёные хлопья.

Вода пошла не разливом, а тремя узкими лезвиями. Они резали рожь поперёк борозд и сходились у Пустой Низины.

— Сколько до дома? — спросила Лада.

Нестор смотрел не на поток, а на межевые столбы.

— Если все створы открыты — меньше четверти часа.

— Где общий сброс?

— За колодцем. Но его годами не трогали.

Гордей уже стоял у крышки. Он проверил управскую скобу, просунул нож в проушину и посмотрел на Ладу.

— Это не переговоры.

— Пока нет. Ломай.

Он ударил рукоятью. Старая скоба выдержала один удар, второй, а на третьем вырвала из крышки щепу. Нестор и Сева оттащили доски. Из колодца пахло холодной глиной и медью.

Вниз уходила лестница. Под нею, в тесной камере, вращался деревянный барабан. На барабан наматывались три проволоки, а четвёртая уходила под северную стену. Никто не крутил рукоять: её двигала сама натянутая проволока, рывками, будто далеко под землёй кто-то тянул сеть.

— Отрубить? — спросил Гордей.

— Тогда створы останутся открыты, — сказал Сева.

Лада опустилась на колени у края. На торце барабана были выжжены слова: «При верхней воде принять избыток в пустую чашу». Ни срока, ни меры верхней воды, ни имени того, кто её определяет.

— Не старый договор, — сказала она. — Только его исполнительная часть.

Тая прислушалась к звону.

— Дом отвечает. Они закрывают подземные ходы. Если поток ударит сейчас, вода останется снаружи и пойдёт по полю.

— Значит, они нас услышали, — обрадовался Нестор.

— Значит, они защищаются от удара, которого не просили.

Лада спустилась в камеру. Вода уже сочилась между камнями пола. Рядом с барабаном торчали три стопорных зуба. Два были выбиты, третий держался на тонкой медной чеке.

— Гордей, оставь крышку открытой и стой наверху. Нестор, покажи Севе общий сброс. Тая, передай дому: течение не согласовано, люди пытаются остановить привод. Не обещай, что остановят.

— А ты?

— Найду, что дёргает четвёртую жилу.

Гордей спрыгнул следом.

— Ты не пойдёшь одна в трубу, которую кто-то только что включил.

— Ты поставлен защищать меня от названного вреда.

— Вот он. Подземная машина с неизвестным хозяином.

— Тогда защити выход. Если проволока сорвётся, здесь не разойтись двоим.

Ему не понравилось, но довод был точнее страха. Он остался у лестницы.

Лада сняла с пояса красный шнур и обвязала им рукоять барабана. Другой конец пропустила через целый стопор. Если механизм рванёт, шнур не удержит его, зато покажет направление усилия. Она дождалась следующего толчка. Узел ушёл вправо, к северной стене.

В кладке обнаружилась низкая арка, забитая камышовыми тюками. За ними шёл лаз. Проволока лежала на дне в неглубокой воде.

Лада поползла вдоль неё.

Через десять локтей исчез свет из колодца. Она ощущала путь пальцами: мокрая глина, медь, скобы через равные промежутки. Некоторые были древними и зелёными, другие — светлыми от недавнего напильника. Привод не просто сохранился. Его готовили.

Впереди раздался скрежет. Проволока дёрнулась у неё под ладонью. Лада прижалась к стене, но свод всё равно задел плечо. Из темноты дохнуло тёплым болотным воздухом.

— Лада! — глухо позвал Гордей.

— Жива. Здесь новая скоба. Кто-то восстановил линию.

Она достала огниво. Искра на мгновение показала нишу и медный рычаг, к которому была привязана не проволока, а тёмная жила толщиной с палец. Жила сокращалась сама.

Это был корень.

Он проходил через просверленную костяную втулку. Каждый раз, когда корень сжимался, втулка тянула рычаг, а тот — барабан. На кости темнели свежие следы ножа.

Лада не стала касаться корня. Она вернулась, считая скобы.

Наверху Нестор и Сева уже открыли общий сброс. Вода уходила в старый придорожный ров, но слишком медленно. Два потока продолжали резать поле.

Тая стояла босиком в канаве. Вокруг её лодыжек плавали обломки камыша. Она повторяла ладонями движение закрывающегося цветка.

— Они не верят, что это не наше требование, — сказала она, когда Лада выбралась. — Привод носит человеческий знак. Вода идёт с человеческого поля. Для них это человеческое действие.

— И они правы в происхождении действия. Но не в согласии всех людей.

— Коллективная речь плохо принимает твоё «не все». Если часть дома поднимает воду, дом отвечает за воду.

Лада показала ей зарисовку втулки.

— Здесь удерживают их корень. Он сокращается и тянет привод.

Тая перестала складывать ладони.

— Корень не может работать отдельно от узла.

— Тогда узел где-то под полем.

Из Пустой Низины донёсся звук, похожий на треск множества сухих пальцев. Тая повернула голову.

— Они идут сюда.

— Сколько?

— Не знаю. В такой воде они не считают телами.

Гордей вытер нож о рукав, хотя клинок был чист.

— Нестор, кто мог закопать под полем часть топельника?

— Мы не закапывали. Мы выкорчёвывали камыш, когда делали среднюю полосу. Всё жгли на месте.

— Когда?

— Девять лет назад.

— А привод ремонтировали сейчас, — сказала Лада. — Покажи, где земля проседала последней весной.

Нестор повёл их вдоль проволоки. Они пересекли две залитые борозды и вышли к невысокому сараю у амбарной дороги. Постройка стояла отдельно от полевых домов. Окна были забраны решёткой, дверь запиралась снаружи.

— Это мерная кладовая, — сказал Нестор. — Управские держат здесь гири, семенное зерно и спорные образцы.

— У кого ключ?

— У смотрителя. Был у Корня. Теперь у управы.

На двери стояла новая железная накладка. Рядом сохранился старый знак перече́ркнутой арки. По порогу шла влажная полоса.

Гордей отодвинул Ладу плечом.

— Теперь впереди я.

Он не спрашивал разрешения на взлом. После колодца это было уже не вопросом власти, только порядка движения. Нестор подал ему лопату. Дверь открылась внутрь, толкнув что-то тяжёлое.

В полутьме пахло зерном, сырой древесиной и сладкой гнилью. На полках лежали гири. У стены стояли мешки с рожью. Тяжёлым предметом за дверью оказался медный ящик, перевёрнутый набок.

В центре сарая была выкопана круглая яма. В ней, под решёткой, лежал клубок бледных корней. Он занимал меньше места, чем человеческий ребёнок, но не был похож ни на ребёнка, ни на отдельное животное. Вода проходила сквозь его полости короткими толчками. От клубка тянулась тёмная жила, уходившая в трубу под полом.

На решётке висели две гири. Когда молодой узел расправлялся, гири опускались и сжимали его. Корень в подземном лазе сокращался. Привод открывал створы.

У стены стояла бочка с солоноватой водой.

Тая издала звук, которого Лада никогда от неё не слышала: короткий вдох сквозь сомкнутые зубы. Не человеческое слово и не перевод.

Узел ответил. Вода в нём поднялась к верхним полостям и сразу опала под весом решётки.

— Они потеряли его прошлой весной, — сказала Тая. — Думали, он высох в поле.

Нестор побледнел.

— Я не знал.

— Кто имеет доступ к кладовой? — спросила Лада.

— Управа. Мерщики. Смотритель, когда он был. Иногда староста берёт гири для схода.

— Кто приносит воду?

На полу стояла кружка. К её ручке была привязана бирка с четырьмя насечками. Нестор узнал её.

— Подёнщик управы. Четвергами проверяет зерно от мышей.

— Сегодня какой день?

— Четверг.

Снаружи треснуло дерево.

Стена сарая выгнулась. Между досками вошли тонкие корни, нашли влажную полосу на пороге и разом разбухли. Дверь захлопнулась за спиной Гордея.

— Не двигать решётку! — крикнула Тая. — Дом ещё не видит, что мы нашли. Он чувствует боль узла и людей рядом.

Крыша зашелестела. Камышовые стебли пробили дранку и свесились внутрь. Они собирались в тело не снаружи, а прямо вокруг ямы.

Лада подняла пустые руки.

— Тая, передай: молодой узел найден. Мы не удерживаем его. Решётка поставлена до нашего входа. Мы готовы выйти и оставить проход.

— Он не слышит сложную речь. Он кричит.

Существо выросло до стропил. В нём не было головы. Верхние стебли расходились веером, нижние обвили решётку и гири. Если оно рванёт их вверх, металл разрежет молодой узел.

Лада шагнула к яме.

— Не трогай, — сказала Тая.

— Я не трогаю. Я показываю, кто стоит между решёткой и людьми.

Она положила красный шнур на пол, не замыкая круг. Нельзя было объявить границу признанной, когда одна сторона не могла её расслышать. Но можно было сделать человеческое движение медленным и видимым.

— Нестор, отойди к мешкам. Сева, покажи пустые ладони. Гордей, нож в ножны.

— Оно сейчас вытащит решётку вместе с ней.

— Нож не освободит узел.

Гордей спрятал клинок, но остался между Ладой и высоким телом.

Тая опустила на живот у края ямы и подула в одну из полостей молодого узла. Тихо, прерывисто: три коротких выдоха, один длинный. Узел ответил слабым бульканьем. Высокое тело замерло.

— Он говорит дому, что решётка режет при движении, — прошептала Тая. — Не знаю, различит ли дом.

Стебли на решётке ослабли.

Тогда снаружи кто-то ударил в стену.

— Эй! Кто в кладовой? — раздался мужской голос.

Нестор узнал его первым.

— Подёнщик.

— Не входить! — крикнула Лада. — Здесь опасная сторона и повреждающее устройство.

Назовись и стой на месте.

В ответ звякнул засов бокового окошка. Внутрь просунулся железный крюк. Он зацепил цепь одной из гирь.

— Руки от мерного добра!

Крюк дёрнулся. Решётка перекосилась.

Молодой узел сжался. Высокое тело ударило не по человеку — по стене, откуда пришло движение. Доски разлетелись. Вместе с ними в сарай упал плотный мужчина в серой управской куртке.

Он увидел существо, закричал и потянул крюк на себя.

Цепь натянулась поперёк ямы.

— Брось! — крикнула Тая.

Топельник метнулся к мужчине. Его верхние стебли собрались в острей.

Гордей оказался быстрее.

Он шагнул через красный шнур, выхватил нож и рассёк связку стеблей. Из тела хлынула вода. Вторым движением Гордей ударил в узел, соединявший корни с полом.

Высокое тело рассыпалось.

В ту же секунду молодой узел в яме судорожно расправился. Гиря сорвалась с перекошенной решётки и полетела вниз.

Лада успела подставить деревянную мерную доску. Железо раскололо её и прижало край решётки, не задев бледных корней.

Сева навалился на цепь. Нестор вырвал крюк из рук подёнщика. Тая продолжала дуть в полость узла, хотя вода из разрубленного тела заливала ей лицо.

Гордей стоял за красным шнуром с мокрым ножом.

Он спас человека. Он остановил удар. И он нарушил границу, которую Лада назвала до нападения: применил оружие к стороне, не отделив нападающее тело от удерживаемого узла.

Нейтральным нож не был. Никогда. Он выбирал, чьё тело можно разрезать, чтобы другое осталось целым.

Снаружи по земле прошла волна. Рожь легла широким кругом. Из каждой канавы поднялись камышовые тела.

— Дом почувствовал рану, — сказала Тая.

Гордей не оправдывался.

— Если бы я не ударил, тот человек был бы мёртв.

— Возможно.

— Не возможно. Ты видела.

— Видела. И запишу именно это. Ты пресёк направленный удар после вмешательства человека. Ты не знал, что ранение тела отзовется в молодом узле. Но границу ты пересёк сам.

— Тогда суди потом. Сейчас вытащим его.

Лада посмотрела на Тая.

— Можно освободить решётку?

— Если поднимать равномерно. И если дом не войдёт раньше.

— Передай только наблюдаемое: молодой узел удерживается человеческим устройством; один человек пытался сдвинуть устройство; другой ранил пришедшее тело; сейчас люди снимают вес. Не говори, что мы возвращаем узел, пока не сможем вернуть.

Они работали под шум приближающейся воды. Сева подложил под решётку две гири как опоры. Нестор нашёл рычаг. Гордей убрал нож и держал цепь голыми руками. Подённый сидел у проломанной стены, прижимая ладони к ушам.

— Кто велел держать это здесь? — спросила Лада.

— Не знаю, что это.

— Кто велел носить воду?

— В ведомости написано: спорный корневой образец, поддерживать влажность, не выпускать до решения управы.

— Покажи ведомость.

— В конторе.

— Чья подпись?

Мужчина замаялся.

— Уполномоченного по рубежам.

— Имя.

— Орест Край.

Нестор выругался, но Лада подняла ладонь. Подпись ещё не доказывала, что Орест знал природу образца. Зато доказывала цепь распоряжений, которую можно было проверить.

Решётка поднялась на ладонь. Молодой узел не двигался. Тая опустила пальцы в воду и снова повторила дыхательный ритм.

— Он связан с приводом. Если вынуть сейчас, створы могут захлопнуться или открыться полностью.

— Значит, сначала отсоединяем втулку, — сказал Сева.

— Нельзя резать корень, — сказала Тая.

Гордей посмотрел на свой нож и вложил его глубже в ножны.

— Показывай, где металл.

Лада поползла в лаз вместе с Севой. Теперь корень почти не сокращался: молодой узел наверху был приподнят, и гири не давили на него. Сева ощупал костяную втулку.

— Она разъёмная. Две половины стянуты медной нитью.

— Разматывай, не перерезай.

Нить была тонкой, но уложенной в семь оборотов. Каждый оборот Сева передавал Ладе. На меди обнаружили крошечные насечки: дата, номер полевой меры и буква «К».

Когда сняли последний виток, втулка раскрылась. Корень остался цел. Проволока обвисла.

В колодце перестал вращаться барабан.

На поле два поднятых щита замерли. Нестор позднее сможет закрыть их вручную, по одному, направляя остаток потока в общий сброс. Сейчас главным было другое: привод больше не использовал боль удерживаемого существа как команду человеческой машине.

Они вернулись в сарай. Гордей и Нестор подняли решётку. Тая подхватила молодой узел вместе с водой на натянутом плаще Севы. Он оказался легче гири, которой его удерживали.

Камышовые тела окружили пролом, но не входили. Среди них поднималась вода, общая для всех, и в ней повторялся неровный ритм молодого узола.

Тая вынесла плащ первой. Лада шла рядом с пустыми руками. Гордей остался позади, отделённый от них несколькими шагами.

У края поля топельники приняли узел не прикосновением. Они распались, превратились в дорожки воды и окружили плащ множеством мелких течений. Бледные корни впервые расправились без решётки.

Потом все стебли повернулись к Гордею.

Он не потянулся к оружию.

— Скажи им, — произнёс он, — что я ударил тело, которое нападало на человека. Скажи, что я не видел связи с молодым. И не добавляй, что я сожалею, если они не спрашивают.

Тая перевела движением воды. Ответ длился долго.

— Дом признаёт, что тело направило удар, — сказала она. — Не признаёт твоего права резать без названного способа остановки. Требуется, чтобы ты не входил в их воду с ножом до отдельного решения.

— Это изгнание?

— Граница. Не навсегда. До решения.

Гордей кивнул и отступил на сухую межу.

Лада достала четыре дощечки из прошлой записи и добавила пятую. На ней она перечислила без вывода: молодой узел найден под решёткой в мерной кладовой; давление узла приводило в действие полевые створы; распоряжение о хранении, по словам подённого, находится в управской ведомости за подписью Ореста Края; Гордей рассёк нападающее тело после движения крюка и до освобождения узла; дом потребовал временно не допускать его с ножом в свою воду.

Нестор подтвердил назначение кладовой и доступ управы. Севы — устройство втулки и целостность корня после отсоединения. Подённый согласился подтвердить только существование ведомости и свой порядок полива.

— А поток? — спросил Нестор.

— Ты закроешь створы вручную под наблюдением Севы. Дом назовёт через Таю, какой сброс не повредит возвращению узла. Это аварийное действие, не согласие на двенадцать восходов.

— Нижняя полоса уже пропала.

— Запиши площадь до заката. Потеря станет частью цены, а не поводом спрятать причину.

К Дому Долгих Стеблей молодой узел понесли по воде. Топельники не разрешили людям сопровождать его. Даже Таю оставили у внешнего кольца: коллективная речь замкнулась вокруг пропавшей части и пока не принимала перевод.

Лада смотрела, как плащ Севы медленно исчезает между камышовых рёбер.

— Ты назовёшь меня нарушителем, — сказал Гордей с межи.

— Назову действие нарушением границы.

— Удобная разница.

— Не удобная. Проверяемая. Если я назову нарушителем тебя целиком, любое твоё следующее действие станет для меня доказательством. Если назову только удар, придётся отдельно судить, что он предотвратил и чему навредил.

— А если в следующий раз времени на это не будет?

— Тогда ты снова выберешь. А потом позволишь стороне назвать цену твоего выбора.

Гордей посмотрел на нож.

— Раньше цена была простой: живой за моей спиной и мёртвый передо мной.

— Простая цена тоже остаётся ценой для того, кто лежит перед тобой.

Он не ответил.

У колодца Сева уже фиксировал барабан стопором. Нестор повёл людей к створам. Тая собирала с земли обрезанные стебли: дом потребовал вернуть каждую часть, потому что вода в них ещё сохраняла общий ритм.

Лада подняла последнюю связку. На одном стебле был ровный срез от ножа Гордея, на другом — старый след медной петли.

Нападение оказалось настоящим. Опасность — тоже. Но её вырастили не из природы топельников и не из человеческого испуга. Кто-то удерживал украденный молодой узел, превращал его боль в движение створов и ждал, пока каждая сторона увидит в ответе другой доказательство чудовищности.

Теперь у Лады было не оправдание переговоров.

У неё было доказательство провокации.

Глава 6. Первый перечень

К полудню нижняя полоса ржи лежала под водой. Колосья ещё держали цвет, но Нестор велел не обманываться: если вода уйдёт к вечеру, зерно прорастёт на стебле; если останется до утра, корень начнёт задыхаться. Потерю можно было измерить только после того, как она случится окончательно.

Сход собрали в амбаре, потому что площадь заняли телеги Саввы. Купец не уехал: мост по-прежнему пропускал только названный груз, а его соль, железо и красная счётная книга оставались на разных берегах одного дела.

У дверей амбара пахло мокрой соломой и злостью.

Лада вошла вместе с Таей и Севой. Гордей остался снаружи. Граница Дома Долгих Стеблей не проходила через человеческий амбар, но он сам решил не приближаться к воде, пока требование не будет рассмотрено.

На стол Лада положила пять дощечек, костяную втулку, семь витков медной нити и расколотую мерную планку. Нестор добавил карту затопленной полосы. Подёнщик управы, назвавшийся Венькой Наливом, сел у самой двери и не снимал серой куртки, будто должность могла защитить его от собственных слов.

— Где ведомость? — спросила Лада.

Староста Сольного Брода, сухой человек с белыми бровями, не посмотрел на Веньку.

— В управской конторе. Она опечатана до прибытия уполномоченного.

— Кем опечатана?

— Им же.

— Значит, человек, чью подпись мы должны проверить, ограничил доступ к документу со своей подписью.

— Он ограничил доступ после происшествия на мосту. Это называется сохранностью доказательств.

— Сохранность требует перечня допущенных лиц, времени опечатывания и второй независимой печати.

Староста сложил руки.

— Вы приехали договариваться с камнем. Теперь у нас затоплено поле, разломана кладовая и болотные твари подходили к дороге. Может, хватит учить управу порядку?

— Именно порядок сейчас отличает доказательство от удобной истории.

По амбару прошёл ропот. Люди пришли не слушать о порядке. У каждого была своя мера нижней полосы: мешки муки, зимняя каша, долг за семена, приданое, корм для лошади. Лада могла назвать их страх понятным, но это не вернуло бы ни одного колоса.

Нестор развернул карту.

— Потеря вот здесь. Вода пошла через управские створы. Не топельники их открыли по своей воле. Их молодой узел держали под гирями и сделали частью привода.

— Ты видел, кто его туда положил? — спросил староста.

— Нет.

— Тогда не говори «сделали». Может, корень пророс в старую машину.

Сева поднял костяную втулку.

— Корень продели между двумя половинами, стянули семью витками проволоки и совместили с рычагом. Сам он этого сделать не мог.

— А кто мог?

— Это и должна показать ведомость.

Задние двери амбара открылись.

Сначала вошли четверо рубежных служителей в одинаковых серо-синих плащах. Они не несли копий, только короткие дубинки и свёрнутые щиты. За ними появился Орест Край.

Лада видела его однажды, после гибели Крутого Лога. Тогда он был моложе, без серебра у висков, и три дня лично вытаскивал из развалин таблички с именами. Люди запомнили не его приказы, а то, что он узнавал каждое найденное имя. После таких мест желание заменить сложность порядком редко выглядело пороком.

Орест снял перчатки и положил их на край стола.

— Ведомость принесут, — сказал он. — Печать сняли при двух писцах. До этого предлагаю не превращать слух в обвинение.

— Согласна, — ответила Лада.

Он задержал на ней взгляд, словно ожидал сопротивления и не сразу понял, что получил условие.

— Тогда у нас есть время для причины моего приезда.

Служители развернули длинный лист. Бумага была новая, но верхний край уже украсили три печати: княжеская, Палаты рубежей и пограничной службы. Печать Палаты не означала согласия всех договорников; она означала, что кто-то, имеющий право на воск, приложил его к листу.

Вверху стояли слова: «Первый единый перечень признаков опасной стороны».

— Не существ, — заметила Лада.

— Именно сторон, — сказал Орест. — Я учёл ваши прежние возражения. Облик ничего не доказывает. Происхождение ничего не доказывает. Опасность определяется наблюдаемым действием.

Это было сильнее, чем ожидала Лада.

Орест прочёл первые признаки: невозможность прекратить вред по ясно поданному сигналу; отсутствие представителя, способного связать группу условием; распространение последствий за названную границу; использование чужого тела или имущества без согласия; отказ предоставить способ проверки прекращения вреда.

В амбаре слушали внимательно. В каждом пункте было то, чего люди хотели от договора.

— Сторона, отвечающая двум признакам, получает ограничение прохода, — продолжил Орест. — Трём — временное удаление от поселения. Четырём — принудительное обезвреживание до решения княжеского суда. Правила одинаковы для людей и нелюдей.

— Кто фиксирует признаки? — спросила Лада.

— Назначенный рубежный служитель.

— Чья речь считается ясно поданным сигналом?

— Речь признанного служителем переводчика либо установленный знак.

— Кто признаёт представителя способным связать группу условием?

— Служитель.

— Кто определяет, предоставлен ли способ проверки?

Орест слегка улыбнулся.

— Вы хотите показать, что у исполнителя есть власть. Разумеется, есть. Без неё правило не исполняется.

— Я хочу показать другое. Во всех пяти пунктах опасность определяет один человеческий голос. Равенство формулировки не создаёт равенства доступа к свидетельству.

— А ваша система создаёт? — спросил Орест. — У моста перевод был подменён. В топи переводчица признаёт, что её человеческие слова не равны речи дома. Где ваше равенство?

Тая не отвела глаз.

— Его нет. Поэтому перевод должен быть проверяемым и оспоримым.

— Пока вы оспариваете, люди гибнут.

Он сказал это без нажима. В амбаре стало тише.

Орест развернул второй лист. На нём была карта Крутого Лога: улицы, водосбор, защитная стена и чёрный круг там, где прежде стоял общий дом.

— Семь лет назад у города было одиннадцать местных договоров. Каждый учитывал особую речь, особую цену и особый выход. Когда из соляной расселины пошёл туман, один договорник потребовал установить намерение, второй — признать туман стороной, третий запретил стражникам входить в отмеченную зону до ответа подземной общины. Ответ ждали два часа. Погибло сто восемьдесят три человека.

Никто не спорил с числом.

— Я был там, — продолжил Орест. — Я не предлагаю считать чудовищем всякого, кто неудобен. Я предлагаю право остановить наблюдаемый вред до того, как мы договоримся, как его называть.

Лада почувствовала взгляд Гордея из открытой двери. В мерной кладовой он сделал именно это.

— А что произошло после двух часов? — спросила она.

— Подземная община закрыла расселину.

— По чьему требованию?

— По своему решению.

— Значит, связь существовала.

— Слишком медленная.

— Возможно. Но в вашем рассказе пропущено, почему туман пошёл.

Впервые лицо Ореста изменилось.

— Причина не отменяет необходимости спасать.

— Не отменяет. Но определяет, прекратится ли вред после обезвреживания одной стороны. Если туман пошёл из-за человеческой выработки, удаление подземной общины оставило бы расселину открытой.

— Вы знаете причину Крутого Лога?

— Нет. Поэтому не подменяю её догадкой.

Орест кивнул. Он принял удар не как враг, а как человек, отмечающий слабость собственного текста.

— Тогда вернёмся к тому, что известно здесь. Топельник напал на управского работника. Ваш охранник остановил нападение. По вашему же описанию, дом не признал заранее человеческого сигнала остановки и распространил тела за границу своей территории. Два признака. Ограничение прохода.

— До нападения управский работник потянул цепь, причинявшую боль удерживаемому молодому узлу, — сказала Лада. — Дом остановил первое движение, когда получил материальное предупреждение от молодого. Нападение началось после повторного движения цепи. Если служитель запишет только видимое ему тело, перечень превратит причинную цепь в удобный первый кадр.

— А если служитель полезет выяснять каждую цепь, он станет договорником и опоздает, как в Крутом Логе.

— Значит, разделите немедленную защиту и окончательное признание опасной стороны. Сейчас у вас временное действие автоматически становится доказательством категории.

— Это поправимо.

— Тогда не вводите лист, пока не поправили.

Снаружи закричали. Один из служителей выглянул и сообщил:

— Ведомость принесли. И ещё человека из конторы.

Писец вошёл с книгой в деревянном футляре. Орест лично проверил две восковые нити и передал книгу Ладе.

Запись нашлась быстро: «Образец корневой спорный, отделён при расчистке нижнего поля; сохранить влажным до установления хозяйственной принадлежности. Не уничтожать. Встроенное мерное действие оставить до наблюдения паводка». Под ней стояла подпись Ореста Края. Ни слова о топельниках. Ни слова о гирих.

— Вы знали, что образец живой? — спросила Лада.

— Я знал, что он реагирует на воду и связан с приводом.

— Вы знали, что он часть Дома Долгих Стеблей?

— Нет.

Тая провела пальцем по полям записи.

— Кто назвал его образцом?

Писец перелистнул книгу назад. Первичная опись принадлежала мастеру Корню. При ней стоял знак перечёркнутой арки.

— Смотритель, — сказал Нестор.

— Ия пометила тот же привод трещиной, — сказала Лада. — Значит, сомнение в одностороннем свидетельстве появилось до исчезновения мастера.

Орест взял книгу, перечитал запись и спросил писца:

— Кто распорядился повесить гири?

— В приложении должно быть.

Приложения не оказалось. Между страницами остался обрезанный край.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.